

1000

ЗНАМЕНИТЫХ

АНАРХИСТОВ И РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

100 знаменитых

Виктор Савченко

**100 знаменитых анархистов
и революционеров**

«ОМІКО»

2008

Савченко В. А.

100 знаменитых анархистов и революционеров / В. А. Савченко —
«ОМІКО», 2008 — (100 знаменитых)

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» – эта фраза всплывает, когда задумываешься о судьбах пламенных революционеров. Их жизненный путь поучителен, ведь революции очень часто «пожирают своих детей», а постреволюционная действительность далеко не всегда соответствует предреволюционным мечтаниям. В этой книге представлены биографии 100 знаменитых революционеров и анархистов начиная с XVII столетия и заканчивая ныне здравствующими. Это гении и злодеи, авантюристы и романтики революции, великие идеологи, сформировавшие духовный облик нашего мира, пацифисты, исключавшие насилие над человеком даже во имя мнимой свободы, диктаторы, террористы... Они все хотели создать новый мир и нового человека. Но... «революцию готовят идеалисты, делают фанатики, а плодами ее пользуются негодяи», – сказал Бисмарк. История не раз подтверждала верность этого афоризма.

© Савченко В. А., 2008

© ОМІКО, 2008

Содержание

Вступление	5
Знаменитые революционеры	8
КРОМВЕЛЬ ОЛИВЕР	8
ВАШИНГТОН ДЖОРДЖ	12
ДЖЕФФЕРСОН ТОМАС	18
МАРАТ ЖАН ПОЛЬ	23
МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЭЛЬ РИКЕТИ	27
РОБЕСПЬЕР МАКСИМИЛЬЕН	30
ДАНТОН ЖОРЖ ЖАК	34
БОЛИВАР СИМОН	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Анатольевич Савченко

100 знаменитых анархистов и революционеров

Вступление

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» – эта фраза всплывает в памяти, когда задумываешься о судьбах «пламенных революционеров». Их жизненный путь поучителен, ведь революции очень часто «пожирают своих детей», а постреволюционная действительность частенько не соответствует предреволюционным мечтаниям.

В то же время жизнь человечества без революций невозможна, и не потому, что однообразное благополучие многим кажется пресным, лишенным резких скачков вверх... но и существованием без страстной мечты изменить мир к лучшему. Возможно, без революций человечество еще пребывало бы в феодализме и не догадывалось даже о возможностях Интернета! Но... Людям, не видевшим своими глазами революции, очень трудно справедливо о ней судить. «Да, я наблюдал вблизи это великое историческое представление. Я видел также пролог: последние годы монархического строя. Мы тогда все играли в оппозицию... Собственно, никогда не знаешь, какая страшная революция может выйти из самой мирной, лояльной оппозиции: оппозицию от революции отделяет один шаг... На свете не существует любимых народом правительств. Поэтому все революции вначале популярны. Историки, конечно, будут искать людей, которым можно было бы вменить в вину или заслугу устройство великой революции. Напрасный труд! Говорю как очевидец: никто не устраивает революции и никто в ней не виновен. Или, если хотите, виновны все...» – писал Талейран.

В этой книге представлены биографии 100 знаменитых революционеров и анархистов начиная с XVII столетия и заканчивая ныне здравствующими. «Почему Кромвель, а не Спартак?» – спросит читатель. Если бы эта книга была о бунтарях, то в нее вошли бы и Спартак с Пугачевым... Но революция как политический термин связана с изменением политического и государственного строя, с определенным этапом развития человечества.

Дело в том, что понятия «революционер», «революция» в современном своем толковании стали складываться только в XVII веке. Революционер не просто бунтует, а предлагает новый «проект» мироустройства, революционер – «интеллигент от бунта» – Демиург невиданного мира. Само слово «революция» происходит от латинского *revolutio* — «переворот» и стало употребляться в XVI столетии для обозначения революционных событий в Голландии и реформации в Германии. Интересно, что тогда, в XVI веке, оно означало не стремление к созданию нового общественного строя, а призыв к возвращению назад, в «светлое» прошлое – к утраченному «золотому веку», к первоначальным ценностям и простоте раннего христианства.

В конце XVIII столетия слово «революция» уже означало глобальное изменение существующего строя, а теория революции представляла собой теорию изменения всего хода истории, что сближает революционные манифесты с книгами по практической магии. Вспомним призыв, что «бродит по Европе»... «Мир обновляется через кровь» – это ужасное пророчество средневековых мистиков начало сбываться в эпоху революций.

Никакого урока нельзя извлечь из смены стихийных, бесцельных разрушений, порожденных разнузданными страстями, в первую очередь, человеческим тщеславием. Например, Великую французскую революцию сделало тщеславие, как утверждают французские историки.

В современной историографии, особенно в современной публицистике, революции отождествляются только с насилием, причинами же революций объявляются деяния «темных», сверхъестественных или злых сил. Сейчас распространилось мнение, что результатом любой революции становится разрушение «нормальной» жизни и обострение проблем, на решение которых революция претендует. А еще заговорили о всемирном заговоре.

Вчерашние апологеты коммунизма тоже говорят о революции не как о «локомотиве истории», а как о диверсии на ее железной дороге. Антиреволюционная риторика порой объединяет либералов, националистов и популистов; милитаристов, правозащитников и людей «здравого смысла». Интересно, что в Украине 2004–2006 годов, в эпоху надежд на перемены, слово «революция» обрело новую комплементарность. Общество, зашедшее в тупик, ищет выход в уничтожении старого и создании нового общественного строя. Так было и с Францией Бурбонов, и с Россией Романовых... Все революции связаны с исторической судьбой того или иного народа. Революция – это расплата за грехи прошлого, за неспособность прошлых режимов нормально управлять страной.

Господа революционеры в 1917 году возлагали ответственность за все произошедшее на гнилой старый строй, на позже расстрелянного царя и на его так же позже понемногу убиваемых министров. Жаль, что господа революционеры не были склонны применить ту же логику к самим себе. Если им на смену является какое-либо жестокое, деспотичное правительство, в десять раз более жестокое и более деспотичное, чем прежнее царское (а дело было именно так), то виноватыми опять-таки считали не себя, а лишь контрреволюционеров или, еще лучше, того же убитого ими царя.

Большевики проявили огромный талант в деле разрушения, но создать нового не умели; они лишь творили во всем мире культ разрушения – и это, пожалуй, самая скверная и самая вредная часть их дела. Тот ореол, который был создан вокруг Французской революции, позже вокруг Октябрьской, гораздо опаснее для человечества, чем они сами: революции заканчиваются, ореол остается. И видит Бог: как ни отвратительны сами по себе большевики, их подражатели всегда неизмеримо хуже! Это зачастую не только мерзавцы, но вдобавок еще и дураки.

С одной стороны, революции обнаруживают героизм и самопожертвование, с другой – предательство и властолюбие, насилие и жестокость... Не все революционеры достойны своего наименования «преобразователь» и своей миссии. Парадоксально, но многие революционеры изменялись с «точностью до наоборот» после того, как становились господами. Частенько революционный господин, восхваляя свободу и справедливость, устанавливал соответственно тиранию ради «сохранения» призрачной свободы и собственного благополучия.

Революция отправила на эшафот больше революционеров, чем реакционеров. Революции бывают и бескровными, но всякая революция по самой природе своей ужасна и другой быть не может. В душе человека дремлют те самые страсти: зависть, жестокость, тщеславие, жажда разрушения, да просто жажда вседозволенности во всех формах. Закон, власть, государство только для того и нужны, чтобы сдерживать зверя железом.

Бескровная революция – такая же смешная нелепость, как бескровная война, только на войне убивают чужих, а здесь – своих.

В этой книге рассказано о гениях и «злодеях», авантюристах и романтиках революции. Все это многообразие можно типологизировать по ряду особенностей. К первой группе можно отнести великих идеологов, которые сформировали духовный облик нашего мира. Некоторые из них были пацифистами (Ганди, Толстой) и мечтали о нравственном изменении человека, другие не исключали насилия над человеком во имя прогресса и мнимой свободы (Маркс, Энгельс, Лассаль, Прудон, Бакунин, Кропоткин).

Были и революционные практики – диктаторы, которые стремились огнем и мечом изменить мир и во что бы то ни стало создать общество, далекое от реальности (Кромвель, Робеспьер, Марат, Дантон, Ленин, Сталин, Троцкий, Махно).

Особый тип – революционеры-террористы, прославившиеся благодаря своему презрению к собственной и, особенно, чужой жизни (Нечаев, Таратута, Богров, Никифорова, Савинков). Некоторые из них теряли человеческий облик, превращаясь в палачей по призванию. К людям такого сорта можно отнести и авантюристов от революции – они были готовы на предательство, пытались «сделать деньги» на торговле идеями революции, на крови и страданиях сограждан (Азеф).

«Революцию готовят идеалисты, делают фанатики, а плодами ее пользуются негодяи», – сказал Бисмарк (это же выражение приписывают и Томасу Карлейлу – английскому философу XIX века). Перед казнью Дантон якобы воскликнул: «Во времена революций власть, в конце концов, достается самым большим мерзавцам!»

Как отмечал Гегель, Робеспьер сделал добродетель наивысшим принципом своей тирании. Субъективная добродетель, которая правит, основываясь единственно на принципе личного убеждения, приводит к самой жуткой тирании и террору. Казни без суда и следствия в революционной Франции и революционной России вершились под лозунгами Свободы, Равенства и Братства. А «добрые намерения» экстремистов-революционеров почерпнуты из чело-веколюбивых и добродетельных книг энциклопедистов и Жан Жака Руссо. Во имя торжества Свободы революционеры закрывали газеты и затыкали рты согражданам, приветствовали доносительство и террор. Якобинцев и ленинцев не волновала судьба конкретных людей, которыми можно пожертвовать во имя призрачного человека будущего. Идеализация грядущего стало революционным мифом, заменила миф о загробной жизни. Революция оказалась не в состоянии создать «нового человека» из существующего «материала» без личного, страстного желания конкретного человека избавиться от присущих ему пороков... И Махатма Ганди, и Лев Толстой были большими революционерами, чем Робеспьер, Ленин, Сталин или Мао, если под революцией понимать «явление в мир» нового человека и новой морали.

Мы не судим этих людей. Их не может судить даже история. Потому что «нет суда истории. Есть суд историков, и он меняется каждое десятилетие; да и в течение одного десятилетия всякий историк отрицает то, что говорят другие. Правду знают одни современники, и только они одни могут судить. Но чем больше революционный деятель прольет крови, тем больше чернил и крови прольют в его оправдание умиленные дураки потомства...» – писал Марк Алданов.

Знаменитые революционеры

КРОМВЕЛЬ ОЛИВЕР

(род. в 1599 г. – ум. в 1658 г.)

«Божий ратник» английской революции, создатель армии «железнобоких», прославившийся жестоким завоеванием Ирландии, с 1653 г. – лорд-протектор Англии.

По-разному оценивали личность Кромвеля историки английской революции во все времена. Для одних он был героем, ему посвящали поэмы (Эндрю Марвел «Поэма на смерть Оливера Кромвеля»), его правление считали одним из славнейших в истории Англии. Каждый год 3 сентября у памятника бывшему лорду-протектору собираются те, кто и ныне считает его «отцом английских парламентских свобод». Для других Кромвель – злодей, достигший власти «по уши в крови», проливавший «как воду кровь своих подданных». Его правление называли «коротким и отвратительным господством», а его самого – «наихудшим типом макиавеллевского лицемера», «сыном дьявола, узурпатором и цареубийцей». Современники Кромвеля с особой жестокостью надругались над его могилой. Наши современники запретили называть его именем корабли и улицы. Кто же он, этот «ничем не примечательный сельский сквайр», ставший символом Великой английской революции?

Родился Оливер в семье Роберта и Элизабет Кромвель в Хантингдоне близ Кембриджа в Восточной Англии. Несмотря на то что по отцу он состоял в родстве с графом Эссекским, министром Генриха VIII Томасом Кромвелем, а по матери – с шотландским королевским родом Стюартов, учился мальчик в бесплатной средней школе. В 1616 году Кромвель поступил в Сидней Колледж Кембриджского университета, где получали образование дети знатных фамилий. Однако через год, когда умер отец, Оливеру пришлось бросить учебу и вернуться

домой, так как он остался единственным мужчиной в семье. Для успешного ведения хозяйства юноша потратил несколько месяцев на изучение права в одной из адвокатских контор Лондона. На этом его образование закончилось. В 1620 году Кромвель женился на Элизабет Бучьер (Бурше), дочери богатого лондонского торговца. Это, пожалуй, и все, что мы знаем наверняка из первого, самого долгого периода его жизни.

Кромвель по семейной традиции был кальвинистом. Кальвин делил все человечество на две части – «избранных и осужденных». Первых ожидало блаженство рая, вторых – муки ада. «Справедливость предопределяет, кто из людей будет спасен, кто должен погибнуть». Причем «осужденного» не спасут ни добрые дела, ни святое причастие, а «избранному не вредят ни грехи, ни преступления». Кромвель, как истый кальвинист, мучился вопросом, к какой категории принадлежит он сам. На эти искания он потратил почти 40 лет жизни, не раз оказываясь на грани нервного срыва. Кромвель страдал частыми депрессиями. «Устойчивая боязнь приближающейся смерти» – такой диагноз ставили ему врачи.

Наконец, к 1636 году Кромвель пришел к убеждению, что Бог определяет и направляет его действия. Он – «избранный», а посему все, что он делает, это Божья воля. Кромвель фанатично верил, что его ведет Провидение. Всю жизнь он служил двум великим идеям: идее самоотречения и идее справедливости, которая должна восторжествовать уже здесь, на земле, а не в обещанном католиками раю. К 1640 году, как писал Е. А. Соловьев, автор одной из интереснейших биографий Кромвеля: «...перед нами с этой минуты сильный общественный деятель, который прекрасно знает, чего он хочет и куда стремится. Он ждал лишь минуты, когда обстоятельства позволят ему высказаться». И время Кромвеля пришло.

В 1625 году умер Яков I и на английский престол вззошел Карл I. Он был «прекрасно воспитанный джентльмен, его вкус был превосходен; его манера была преисполнена достоинства; домашняя жизнь – безукоризненна». Однако, как писал Соловьев: «К сожалению, время было смутное и качеств хорошего джентльмена недоставало, чтобы быть хорошим королем». В это время в Англии боролись и ненавидели друг друга многочисленные церковные партии и секты: паписты, епископалы, пресвитериане, пуритане, староангликане, индепенденты, уравниатели. На политической арене партий было не меньше, и борьба их была не менее жестокой. Абсолютисты поддерживали беспредел деспотизма Карла I; умеренные роялисты ратовали за Великую хартию вольностей; пресвитериане – за либеральную конституцию; индепенденты выступали за республику; уравниатели были вообще за анархию. При таком разнообразии политических сил резко обострилась борьба в английском парламенте.

«В 1629 году английский народ с удивлением узнал, что его представители, заседавшие в нижней палате, втрое богаче, чем пары королевства», – писал Е. А. Соловьев. Нижняя палата, состоявшая из третьего сословия (буржуазии), разрешала налоги и обеспечивала правительство деньгами. Отсюда и противостояние: король требовал денег, палата – прав. Король отказывал в правах, палата – в деньгах. Несколько раз распуская парламент, Карл I пытался превратить его в «ничто». С 1629 года по 1640 год парламент не созывался вообще. «Никогда в истории Англии не было одиннадцатилетнего промежутка между парламентами». Своей беспардонной политикой, беспредельным деспотизмом и беззаконием, когда он сам нарушал законы и данные обязательства, Карл I восстановил против себя свой народ. Осуждение Джона Гемпдена (родственника Кромвеля), дворянина, отказавшегося платить незаконно введенный королем корабельный налог, явилось последней каплей терпения. «С этой поры, – говорит Гизо, – народ перестал ожидать чего-либо от властей и законов и, потеряв надежду, приобрел мужество. Вся нация была поражена этим приговором». Так начиналась революция. В делах церковных англичане защищали Реформацию и боролись за чистоту церкви, в делах частных – защищали свое человеческое достоинство. «Уважение к самому себе – величайший дар, полученный англичанами от своей истории». Уважая самого себя, свою личность, англичанин уважает прежде всего свою самостоятельность, неприкосновенность своей личности.

До 1640 года Кромвель был мировым судьей и вел борьбу с правительством за сохранение привилегий общинного самоуправления; боролся с англиканским духовенством за право свободного толкования Библии; был депутатом третьего парламента; занимался хозяйством. Однако этому деревенскому дворянину было предопределено стать «ратником Божиим» против королевского деспотизма.

3 ноября 1640 года в Вестминстере был созван Долгий парламент. Опасаясь войны с Шотландией, Карл I потребовал денег. Парламент в ответ потребовал лишить короля права распускать его. Карл I вынужден был пойти на такие уступки, что «...к июлю даже тень власти была отнята у короля». В 1641 году в Ирландии вспыхнуло восстание. Недоверие к королю было настолько велико, что парламент лишил его законного права стать во главе армии. Этого оскорбления Карл I снести не мог. 22 августа 1642 года король объявил войну парламенту.

Кромвель начал формировать собственный кавалерийский эскадрон, так как считал, что без сильной кавалерии парламент никогда не одержит победу над армией короля. Он набирал солдат среди пуритан и сектантов. «Они воевали не ради денег, а во имя того, что считали своей целью, – общественного блага». В кавалерии Кромвеля простолюдины могли стать офицерами. Он безжалостно расстреливал за мародерство, ввел в полку общую молитву. Организовав дееспособный полк, Кромвель заставил бояться и уважать себя. Его кавалерия, ставшая ядром будущей армии, была лучшей в Европе. В бой она шла с пением псалмов.

В 1645 году палата общин приняла постановление о создании регулярной армии нового образца. Кромвель из скромного капитана превратился в генерал-лейтенанта. Официально командующим был Ферфакс, но фактически армией командовал Кромвель. Главное отличие его армии было в том, что она состояла не из наемников, как это было раньше, а из англичан, готовых отдать жизнь за вольности и религиозную реформацию. Фанатики в обычной жизни, его индипенденты на службе отличались беспрекословным подчинением, стойкостью, строгой нравственностью. В армии не было ни пьянства, ни драк, ни мародерства. До звания полковника мог дослужиться и сапожник, и котельщик, и извозчик, и корабельный шкипер. «Его войска ходили в бой с точностью машин, пылая в то же время фанатизмом первых крестоносцев. Со времени образования армии до минуты ее расформирования она ни на Британских островах, ни на материке не встречала никогда врага, который мог бы устоять против ее натиска», – писал Е. А. Соловьев.

Однако Кромвелю не всегда удавалось сдерживать своих индипендентов от ненависти к католическим священникам и храмам. Они приходили в бешенство при виде образа или статуи святого. Многие английские соборы хранили следы этой ненависти. «Кто не за меня, тот против меня, а кто против меня, того надо уничтожить». Как фанатики, индипенденты были грозной силой, и эта сила теперь была в руках Кромвеля.

14 июня 1645 года Кромвель наголову разбил армию роялистов в битве при Нейзби. Карл I бежал к шотландцам, но те продали его парламенту. Возник вопрос: что с ним делать? Пока парламент обсуждал возможность компромисса, в армии вспыхнул мятеж. Индипенденты требовали суда над королем: они боролись за республику. Революционный суд при активном участии Кромвеля признал короля тираном и общественным врагом. Карл I был казнен – Кромвель перешел свой Рубикон. С этого момента военная и политическая власть начала постепенно концентрироваться в его руках. Этот процесс занял 4 года (1649–1653).

После казни короля ситуация в Англии обострилась. Активизировались левеллеры (уравнители). Они во главе с Джоном Лильберном требовали религиозной свободы и народовластия. Для того чтобы успокоить недовольных новой властью, Кромвель отправился на завоевание мятежной Ирландии. Ненависть протестантов к католикам, англичан к ирландцам вылилась в неоправданную жестокость этого похода. При взятии Дрогеды по приказу Кромвеля было уничтожено 2 тыс. человек. Людей, спасавшихся в храме, сожгли заживо, пытавшихся бежать убивали на месте. После этого «славного» похода Ирландия потеряла почти треть населения и

получила многовековой незатихающий национально-религиозный конфликт. Пытаясь оправдать свою жестокость, Кромвель писал: «Я убежден, что это совершенно справедливый суд Божий. Я убежден, что это предупредит кровопролитие на будущее время». Интересно: что думал «борец за справедливость», отправляя ирландских женщин и детей в американские колонии в качестве «белых рабов»?

После Ирландии наступил черед Шотландии, которую Кромвель завоевал не столь жестоко, но столь же быстро. На пути к полной узурпации власти у него оставалось одно большое затруднение – сам английский парламент. Но и с этой проблемой он справился. 20 апреля 1653 года силой своих мушкетеров Кромвель просто разогнал Долгий парламент, объявив депутатам: «Час ваш настал: Господь отступился от вас; он избрал для исполнения своей воли орудия более достойные. Господь руководит мною и повелевает мне делать то, что я делаю».

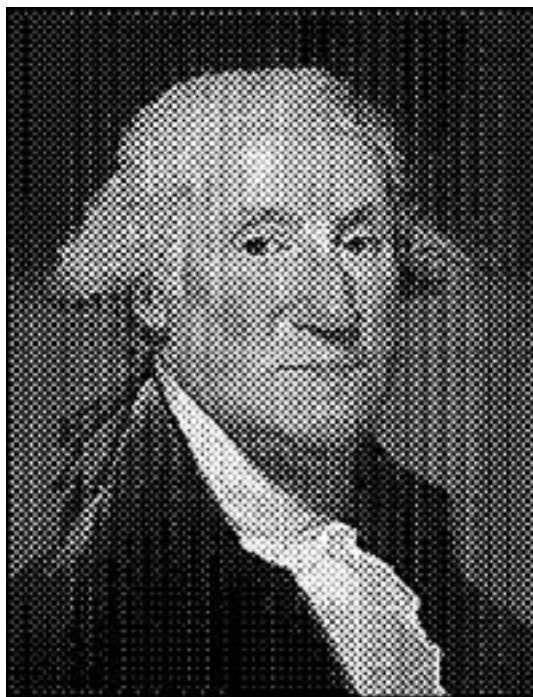
16 декабря 1653 года Кромвель был провозглашен лордом-протектором Англии со всеми диктаторскими полномочиями: глава законодательной и исполнительной власти и главнокомандующий армией. В его правление «вольности» Англии отошли в область преданий. Своему декоративному Собранию «святых» он сказал: «Придет пора, и свободно избранный парламент заменит вас, но я не знаю, когда народ сделается достойным свободных выборов». Игра в демократию закончилась. Казнив короля, Кромвель сжег за собой мосты: теперь он должен был стать всесильным тираном или взойти на эшафот.

По Англии поползли слухи, что Кромвель стремится к королевской власти, хотя сам он это отрицал. Большинство населения уже устало от революции, поэтому все реформы, которые пытался провести Кромвель, не достигали успеха, так как не имели поддержки. Положение внутри страны все ухудшалось: не было денег, росла безработица. Государственный долг Англии к концу правления лорда-протектора достиг 1,5 млн фунтов стерлингов. Чем больше у Кромвеля было власти, тем более одиноким он становился. От него отвернулись даже боевые товарищи. В армии возник заговор, жестоко подавленный протектором. Никогда еще тюрьмы не были так переполнены: 12 тысяч политических заключенных томились в них.

Кромвель становился все более замкнут и мрачен. «В нем развилась мучительная подозрительность, не дававшая ему покоя ни днем ни ночью. Он постоянно был вооружен и носил латы. Та ясность и самостоятельность ума, та страстность и смелость чувства, которые были так привлекательны в Кромвеле, по-видимому, совершенно исчезли». В 1658 году Кромвель тяжело заболел и 3 сентября умер.

ВАШИНГТОН ДЖОРДЖ

(род. в 1732 г. – ум. в 1799 г.)

Первый президент США. Главнокомандующий армией колонистов в борьбе за независимость в Северной Америке в 1775–1783 гг. Председатель Конвента (1787) по выработке Конституции США.

Джордж Вашингтон стоял у истоков национальной истории Соединенных Штатов Америки и был одной из самых выдающихся личностей среди политиков той бурной эпохи. Первый президент США принадлежал к четвертому поколению переселенцев из Англии, т. е., по американским понятиям, являлся аристократом. Его предки во время английской революции за приверженность королю подверглись преследованиям и эмигрировали в Америку. Отец будущего президента был дважды женат. Дети от первого брака – Лоуренс и Августин – воспитывались вспыльчивой и энергичной мачехой, в девичестве Мэри Болл. Джордж – старший среди шестерых детей.

Официальной датой рождения Джорджа Вашингтона считается 22 февраля 1732 года. Раннее детство Джорджа прошло на плантациях Хантинг-Крик и Ферри Фарм близ Фридриксбурга.

Образование Джордж получил весьма скромное. На первых порах его обучал домашний учитель. Кроме того, мальчик посещал начальную школу во Фридриксбурге. Возможно, он так и остался бы человеком, едва умеющим читать, писать и считать. Но рядом был отец, человек по тем временам очень образованный. Многим Джордж был обязан и матери, которая старалась привить детям строгие нравственные правила. Однако полученных знаний было недостаточно. До конца жизни Вашингтон был не в ладах с орфографией, не знал иностранных языков. Все это, безусловно, наложило отпечаток на его характер, сделав замкнутым и немногословным.

12 апреля 1743 года умер отец Вашингтона. Одиннадцатилетний мальчик остался с матерью, отношения с которой ухудшались год от года.

Неподалеку от имения брата, куда переселился Джордж, находилась школа Вильямса, где можно было приобрести познания в области сельского хозяйства. Этому учебному заведению Джордж обязан хорошими знаниями математики, геометрии и межевания. В свободное время он с увлечением занимался физическими упражнениями, верховой ездой и всегда слыл отличным наездником. Кроме того, составил себе свод правил в обществе, взятых из разных источников.

Зимой 1748/49 года Джордж прошел курс теории в колледже Уильяма и Мэри в Вильямсбурге и получил свидетельство землемера, а вскоре занял штатную должность в графстве Калпепер.

В эти годы Джордж встретил свою первую и единственную, на всю жизнь, любовь. Его друг Джордж Ферфакс женился и привез в Бельвуар молоденькую Салли Кэри – дочь небогатого, но очень образованного плантатора. Судя по единственному сохранившемуся портрету, юная женщина красотой не отличалась. Очевидно, Джорджа пленили ее интеллигентность и изящество. Салли была на два года старше своего немногословного обожателя. Но чем-то он тоже привлек ее внимание. О будущем мечтать не приходилось. Разве мог Джордж предать своего друга? Разве могла Салли нарушить данное ею слово? Так ничем не закончилась эта любовь, длившаяся всю жизнь. Но даже перед собственной свадьбой Вашингтон заверил миссис Ферфакс в том, что по-прежнему любит только ее одну. Она умерла в большой бедности бездетной вдовой в Англии. В то время Вашингтона уже давно не было в живых.

В июле 1752 года умер от туберкулеза горячо любимый им брат Лоуренс, и Джордж стал главным наследником Маунт-Вернона, которому давно принадлежало его сердце. Теперь двадцатилетний Вашингтон мог считаться очень богатым помещиком. Должность землемера давала еще 50 фунтов стерлингов в год. Он стал солиднее. По обычаю многих сограждан его круга вступил в масонскую ложу.

Но вот спокойная жизнь закончилась. Между английскими и французскими колониями издавна существовал антагонизм, в начале 50-х годов перешедший в открытую войну из-за территорий.

В этой войне Вашингтон принял активное участие. В 1754 году его назначили Главным командующим ополчением Виргинии. На этом посту он проявил себя талантливым организатором и храбрым командиром, приобрел опыт ведения военных операций. На него обратили внимание в провинциальном Законодательном собрании и 14 августа 1755 года назначили командиром полка для отражения возможного вторжения французов в Виргинию. Жестокими методами Вашингтон укрепил в полку дисциплину.

Упрочив положение, он выдвинул свою кандидатуру в Законодательное собрание Виргинии от округа Винчестер и выиграл избирательную кампанию.

Примерно в это время Вашингтон решил жениться. Выбор пал на молодую вдову Марту Кастис, обладавшую громадным, по тем временам, состоянием. Своих детей у Джорджа не было. Но сын и дочь Марты от первого брака – их звали Джеки и Патси – неизменно пользовались его горячей привязанностью.

Много времени плантатор уделял сельскому хозяйству и вел его, как сказали бы теперь, на научной основе. Из Англии выписывались специальные книги, производились опыты по посадке растений, использовались сельскохозяйственные машины.

Но, занятый хозяйственными делами, Вашингтон не оставлял и политическое поприще. В течение всех этих лет его регулярно избирали в Законодательное собрание сначала от округа Винчестер, а затем от округа Ферфакс, в котором находился Маунт-Вернон. Во время выборов он не скупился, каждый раз расходуя от 40 до 75 фунтов стерлингов. Как правило, они шли на оплату массовой выпивки. После подсчета голосов давался грандиозный бал.

Политическая обстановка в стране постепенно накалялась. В мае 1769 года состоялась очередная сессия. На первом же заседании была единогласно принята петиция королю Георгу

III с просьбой «вмешаться в пользу поправленных прав Америки». В ответ губернатор распустил парламент.

Лето 1774 года ознаменовалось знаменитым «Бостонским чаепитием». Репрессии против бостонцев распространились и на другие провинции. Законодательное собрание Виргинии вновь было распущено. Однако депутаты особенно не огорчились. Они знали, что на выборах, которые вскоре должны были последовать, их все равно снова выберут. Все дружно направились в уже знакомую таверну и решили связаться с другими колониями по поводу проведения континентального конгресса.

Среди бывших депутатов Вашингтон был едва ли не самым активным. Он громко заявил: «Парламент имеет не больше прав запускать руку в мой карман, чем я в его», а потом вместе с Масоном провел в своем округе собрание, на котором приняли резолюцию о солидарности с Бостоном.

1 августа Вашингтон участвовал в заседании нового Законодательного собрания колонии и в числе семи делегатов был избран на Первый континентальный конгресс, который проходил в Филадельфии. Бурный восторг аудитории вызвало его заявление: «Я готов собрать тысячу человек, вооружить и одеть их за свой счет и во главе их идти на Бостон».

Понимая, что мирными средствами вряд ли можно будет обойтись, колонии готовились к обороне. В Виргинии срочно формировалось ополчение. В конце 1774 года Вашингтону предложили командование семью из десяти созданных рот. Зная по своему опыту, чего стоят такие войска, Джордж рекомендовал сформировать роту стрелков, а в январе уже приступил к ее обучению.

Второй континентальный конгресс начал работу 10 мая 1775 года. Когда встал вопрос о том, кто должен возглавить ополчение колоний, была предложена кандидатура Вашингтона. Конечно, он, при его огромном честолюбии, страстно хотел этого. Нервы не выдержали. Джордж покинул зал и спрятался в библиотеке, пока шло обсуждение. Утром 15 июня было объявлено, что Вашингтон избран генералом для командования всеми континентальными силами, создаваемыми «для защиты Американской Свободы».

В тот период американская армия поражала воображение отсутствием дисциплины. Солдаты набирались на короткий срок и покидали армию, не успев приобрести достаточных навыков. Очень распространено было дезертирство. Генерал вновь начал с укрепления дисциплины. Он разжаловал нескольких офицеров за трусость и воровство, создал военный суд. По его решению провинившиеся наказывались 40 ударами плетью.

В начале 1776 года генерал решил, что армия готова к военным действиям, и 17 марта без боя взял Бостон, а затем двинул войска на Нью-Йорк. Для обсуждения дальнейших планов военной кампании Вашингтону необходимо было прибыть на Конгресс. В конце мая 1776 года он отправился в Филадельфию. В это время политическая обстановка претерпела серьезные изменения. Правительство Англии известило колонии о своей готовности к примирению. Многие депутаты были склонны пойти на мировую. Генерал же, как и большинство населения, выступал на стороне тех, кто стремился к полной независимости колоний от Англии. Здесь он возглавил комиссию по составлению Декларации независимости. 4 июля 1776 года Конгресс в торжественной обстановке принял этот исторический документ. По приказу Вашингтона были проведены парады, дан орудийный залп, а текст Декларации зачитан перед войском.

12 июля 1776 года часть английского флота вошла в Гудзон, чтобы отрезать колонии от Канады, а Нью-Йорк – от сообщения со страной. Генерал успел укрепить город, выстроив две крепости – форт Вашингтон и форт Ли. Но располагал он только 11 тыс. солдат, тогда как у противника было 30 тыс. Понимая, что в такой ситуации поражение неизбежно, генерал предпочел отступить.

Со временем тактика Вашингтона стала приносить победы. Неприятель был разбит на реке Дэлавер. Американцы взяли города Трентон, Принстон, Нью-Джерси. И все это время,

несмотря на стремление Гоу навязать генеральное сражение, Вашингтон всячески избегал этого, понимая, что его неопытная армия не в состоянии противостоять регулярным войскам.

В конце декабря 1776 года генерал на шесть месяцев получил диктаторские полномочия, но пользовался ими очень осторожно. Не в его характере было стремление к власти. Поэтому, когда определенный Конгрессом срок закончился, он не пытался протестовать. Вторым раз диктатором Вашингтон стал в августе 1777 года во время боев за Филадельфию. И снова – ни малейшей попытки сохранить за собой власть.

Зима 1777/78 года была самой тяжелой для армии Вашингтона. Обстоятельства вынудили генерала стать на зимние квартиры среди холмов Вэлли-Фордж в тридцати километрах от Филадельфии. Здесь не было жилья, округ был опустошен войной. Собственными силами построили 1100 маленьких домиков с земляным полом. В такой же хижине, только с деревянным полом, зимовал и Вашингтон. Солдаты были голы и босы в буквальном смысле слова. Их разбитые ноги оставляли кровавые следы на снегу. Главнокомандующий назначил премию в десять долларов тому, кто изобретет замену башмакам. Именно здесь, в Вэлли-Фордж, появилось знаменитое слово «санкюлоты», то есть «бесштанники». Так французские офицеры называли солдат американской армии. Вашингтон жаловался на то, что в лагере почти нет мыла, и горько сетовал, что в нем нет особой надобности, так как «лишь у немногих есть больше одной рубашки, у многих только лохмотья, а иные вообще голы». Люди кутались в дырявые одеяла. Сквозь прорехи виднелось голое тело. Защитники свободы голодали.

Между тем положение английской армии в Филадельфии становилось все более тяжелым. Бездеятельность пагубно влияла на дисциплину. 19 октября 1781 года англичане капитулировали под Йорктауном. Это событие стало фактическим окончанием военных действий. Америка ликовала. Конгресс выразил Вашингтону благодарность. В его честь писались оды. Везде его встречали как спасителя отечества. В армии по приказу главнокомандующего был введен «значок за военные заслуги». Из пурпурной ткани и шелка на грудь солдатам нашивали сердце. Об этом первом в американской армии ордене вскоре забыли, возродив его лишь в 1933 году под названием «Пурпурное сердце».

После войны в стране стали высказываться мнения о необходимости монархического правления. Деятельность Конгресса многих привела к мысли о том, что республика ненадежна. Были предложения сделать королем Вашингтона. Однако главнокомандующий считал, что идеальной формой правления может быть только олигархическая республика при условии укрепления центральной власти.

После подписания Парижского мирного договора, который подтвердил независимость Соединенных Штатов, Конгресс распустил континентальную армию. Вашингтон трогательно простился с офицерами и отправился в Маунт-Вернон.

Несколько лет он прожил в имении, занимаясь расстроенным за время войны хозяйством. Хотя супруги оставались бездетными, в их доме не смолкал детский смех. Генерал усыновил двух детей своего умершего пасынка – Нелли и Джорджа. Кроме того, он заботился о многочисленных племянниках и племянницах. Некоторые из них постоянно жили в его доме.

Но больше всего внимания требовали многочисленные визитеры, часто совершенно незнакомые. Они осаждали Маунт-Вернон. О Вашингтоне слагались легенды. Его называли «Отцом страны», «Основателем американской республики», сравнивали с Ганнибалом и Александром Македонским, причем не в пользу последних. Люди хотели видеть живого героя и приезжали даже из-за океана.

Вашингтону очень много писали. В письмах содержались восторженные панегирики и просьбы о помощи. Он взял за правило лично отвечать на каждое послание и тратил много времени на подготовку ответов, предварительно получив информацию о том или ином ветеране, служившем под его началом, чтобы удостовериться, что тот действительно имеет права на получение какой-либо помощи.

Но политика не хотела выпускать генерала из своих цепких рук.

В сентябре 1786 года в Аннаполисе собрались представители пяти штатов для согласования текущих экономических проблем. Было решено в мае следующего года провести Конвент для изменения принятых в 1776 году «Статей конфедерации». Первое место в числе делегатов от Виргинии занял Вашингтон.

14 мая 1787 года Конвент начал свою работу, но только к 25-му удалось собрать 55 представителей от семи штатов, среди которых были Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон. Им надлежало составить новую Конституцию США. На первом же заседании президентом Конвента был избран Вашингтон, который вполне оправдал ожидания присутствующих.

Он предложил во избежание кривотолков и волнений работу над Основным законом страны производить втайне и жестко добивался этого, следя, чтобы даже случайно информация не просочилась за двери зала заседаний. Это было совсем не лишним, так как предстояла коренная перестройка правительства и усиление его функций. 17 сентября 1787 года проект Конституции США был одобрен, затем его обнародовали. В соответствии с новым законом на начало февраля 1789 года были назначены выборы президента страны.

Ни у кого в то время не возникало сомнений в том, что возглавить страну должен Вашингтон. Празднование 4 июля 1788 года проходило под лозунгом «Вашингтона в президенты!», а на торжественном собрании в Дэлавере было провозглашено: «Пусть фермер Вашингтон, как второй Цинциннат, бросит плуг и пойдет управлять великим народом!»

Бросать плуг не хотелось. Пятидесятилетний генерал устал от политических перипетий. Он стремился к покою и тихим семейным радостям. Но отказаться от участия в выборах не мог – слишком велико было давление. Надеялся, что его не выберут. Однако первые президентские выборы в Америке с редким единодушием подтвердили популярность героя войны за независимость среди американцев. Вице-президентом стал Д. Адамс. С первых же дней президентства Вашингтон стремился обдумывать каждый свой шаг. Это проявлялось даже в мелочах. Он никому не наносил визитов, а к себе приглашал только «официальных лиц и выдающихся людей», тщательно следил за манерой поведения и внешним обликом, никому не подавал руки. Даже Марта вынуждена была отказаться от привычных обращений к мужу. Теперь она называла его только генералом и никак иначе. Президентский быт отличался завидной пышностью, но делалось это не потому, что президент дорвался до государственной кормушки. Просто он считал, что это повышает его авторитет в стране и за рубежом. Достаточно сказать, что ежегодно к тем 25 тыс. долларов, которые составляли его оклад, он прибавлял еще 5 тыс. из своего кармана на содержание резиденции, прислуги и официальные приемы.

Помимо организационных забот и светских удовольствий, Вашингтон много внимания уделял строительству новой столицы, будущему Вашингтону, которая стала вторым в мире после Петербурга специально построенным административным центром государства.

На президентском посту Вашингтон пробыл два срока. Он много ездил по стране. Везде его встречали с восторгом и верноподданическими изысками.

Однако отношение к первому президенту далеко не всегда было восторженным. В марте 1793 года Франция объявила войну Англии и Голландии. По условиям последнего франко-американского договора, США должны были оказать помощь союзнице при нападении на нее. В апреле Вашингтон вызвал к себе министров, чтобы обсудить ситуацию. Кабинет выступил против вступления в войну, так как договор касался только оборонительной ситуации, а в данном случае Франция выступила агрессором. Избрав политику нейтралитета, Вашингтон проявил дальновидность. Соединенные Штаты таким образом не были втянуты в долговременные европейские войны и оказались в большом выигрыше. Однако в печати поднялась буря возмущения. Президента стали называть «лжецом», «крокодилом», «гиеной», «предателем» и другими нелестными эпитетами. В газетах появились карикатуры. На одной из них коронованного

президента тащили на гильотину. Намек был ясен – гильотинировать можно не только французского короля.

Даже 4 марта 1797 года, в день ухода Вашингтона с президентского поста, все газеты были полны статьями, приветствовавшими смену президента. «Отца американской нации» величали «тираном».

15 марта 1797 года генерал навсегда уехал в Маунт-Вернон. Он вернулся к любимым занятиям. Но, увы! В полной мере насладиться прелестями частной жизни ему так и не удалось. 13 декабря 1799 года он, как обычно, объезжал фермы. Стояла отвратительная погода. Шел снег с дождем. Вашингтон промок до костей и вечером почувствовал недомогание. На следующий день ему стало хуже, но врача не вызвали. Еще через день воспаление в горле усилилось до такой степени, что стало трудно дышать. Медицинские средства того времени не помогли. В ночь с 14 на 15 декабря первый президент Соединенных Штатов скончался. Его похоронили в семейном склепе в Маунт-Верноне. Перед смертью он успел привести в порядок свои дела. Новое завещание Вашингтона предусматривало освобождение всех рабов, которые ему принадлежали, правда, после смерти жены. Генерал считал рабство несовместимым с Декларацией независимости. Марта исполнила завещание еще до своей кончины. Умерла она в 1802 году.

Когда о смерти Вашингтона стало известно в Филадельфии, Конгресс прекратил работу. На следующий день спикер открыл заседание следующими словами: «Нашего Вашингтона более не существует. Герой, патриот и мудрец Америки, человек, на которого в минуту опасности обращались все взоры, живет теперь лишь в своих великих деяниях и в сердцах горячо любившего и огорченного народа».

ДЖЕФФЕРСОН ТОМАС

(род. в 1743 г. – ум. в 1826 г.)

Выдающийся политик, ученый, просветитель. 3-й президент США (1801–1809), государственный секретарь (1790–1793), вице-президент (1797–1801). Главный автор проекта Декларации независимости США.

В историю политической деятельности Томас Джефферсон вошел как автор Декларации независимости, что ставит его в один ряд с величайшими идеологами Просвещения. Он также находился у истоков образования Соединенных Штатов Америки и являлся идеологом американской революции.

Томас Джефферсон появился на свет в одном из самых глухих уголков Виргинии, в графстве Албемарл. Его отец, Питер Джефферсон, происходил из семьи английских колонистов, давно обосновавшихся в Америке. Он возглавлял местное ополчение, избирался судьей графства, членом Законодательного собрания Виргинии. Был он человеком образованным, собрал небольшую, но хорошую библиотеку. В 1739 году женился на дальней родственнице Джейн Айшем Рэндольф. 13 апреля 1743 года в усадьбе Шедвел у них родился сын Томас.

Ранние годы мальчик провел на плантации Такахое, а в девятилетнем возрасте поступил в начальную школу, принадлежавшую пастору Уильяму Дугласу, где получил поверхностное знакомство с латынью, греческим и французским языками. Через пять лет Томаса перевели в школу Джеймса Моури. Здесь он приобрел систематические знания в английской литературе, познакомился с основами географии, истории, математики, в совершенстве изучил греческий и французский, начал овладевать итальянским языком. Видя стремление своего подопечного к знаниям, учитель открыл ему доступ в свою богатую библиотеку.

Следующим учебным заведением будущего политика стал колледж Уильяма и Мэри, один из лучших в американских колониях Англии. Он находился в Вильямсбурге, административном центре Виргинии. Здесь помимо богословских дисциплин изучали физику, матема-

тику, философию, историю, географию, литературу, юриспруденцию. В эти годы Джефферсон увлекся произведениями Вольтера, Монтескье, Руссо и Бэкона. Но любимой книгой Томаса стал «Опыт о человеческом разуме» Локка. Позже этот труд стал основой для его деятельности в качестве идеолога американской революции.

Овладение курсом колледжа требовало немалых усилий. Занятия продолжались пятнадцать часов в сутки. И все же юноша находил время для прогулок и физических упражнений. В эти годы он приобрел полезную привычку: каждое утро окунал ноги в холодную воду, чтобы предупредить простуду. Всю жизнь Томас был уверен, что именно это позволило ему практически не болеть.

Богословская карьера не привлекала юношу. Особого интереса не вызывали также военная служба и торговля. Томас решил стать юристом. Получив образование, Джефферсон добился зачисления в коллегию адвокатов и поступил на работу в юридическую контору своего бывшего преподавателя Уайта, а через пять лет после приобретения необходимых навыков занялся собственной практикой. Скоро Джефферсон стал одним из ведущих адвокатов Виргинии. В числе его клиентов появились богатейшие семьи. Но, став преуспевающим защитником, он никогда не отказывал в юридической помощи бедным. Все это способствовало популярности Джефферсона. Поэтому в мае 1769 года молодого адвоката выбрали членом Законодательного собрания Виргинии. По своим взглядам вновь избранный парламентарий был впереди многих своих более опытных коллег. Он считал, что англичане вообще не должны вмешиваться в дела колоний, первым стал выступать за облегчение участи негров-рабов, против религиозной нетерпимости. Будущий автор Декларации независимости выступал с острой критикой генерального суда Виргинии. Это была самая ранняя попытка привить на американской почве идеи европейских просветителей о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей.

В эти годы Томас встретился с юной вдовой Мартой Уэйлс Скелтон и влюбился в нее. Она ответила взаимностью. 1 января 1772 года состоялась свадьба. Вдова была богата, и молодая семья ни в чем не нуждалась. Они счастливо прожили десять лет. Их жизнь омрачалась только болезненностью Марты и смертью детей. Из шестерых в живых остались только двое. Остальные угасли в раннем возрасте. К великому горю Джефферсона, Марта умерла в 1782 году, оставив ему в утешение двух обожавших его дочерей – Мэри и Марту.

Открывшийся 5 сентября 1774 года Конгресс принял решение о бойкоте английских товаров. В колониях стали готовиться к репрессиям. Председателем Комитета безопасности в Албемарле избрали Джефферсона. Комитет объявил о призыве добровольцев и приступил к формированию ополчения. Те, кому не хватало оружия, должны были взять в руки томагавки. Кроме того, Томас вошел в состав «Комитета пятнадцати», избранного палатой для разработки плана создания вооруженных сил в Виргинии.

Чуть позже Джефферсона включили в состав делегации на Второй континентальный конгресс. На этом историческом форуме одним из основных стоял вопрос о выработке документа, получившего впоследствии название Декларации независимости. В состав комиссии по ее составлению вошли Бенджамин Франклин, Джон Адамс, умеренные представители Пенсильвании и Нью-Йорка Дикинсон и Ливингстон и Томас Джефферсон. Томасу поручили самостоятельно составить текст. Всего за 17 дней ему удалось выполнить эту сложнейшую, не имеющую аналогов работу. 4 июля 1776 года исторический документ был принят с минимальными изменениями. По своей сути Декларация явилась политическим кредо ее автора. Впервые в человеческой истории было провозглашено, что народ является единственным вершителем своей судьбы, что власть правительства основана лишь на «согласии управляемых» и если народ решит, что власть угрожает их «безопасности и счастьем», его «право на революцию не подлежит никакому сомнению».

Как только текст Декларации появился в прессе, на улицы Филадельфии высыпали люди. Перед зданием, где заседал Конгресс, собрались тысячи ликующих американцев. В городе звонили колокола. Народ праздновал рождение своего независимого государства. С тех пор в США 4 июля стало главным национальным праздником, в появлении которого решающую роль сыграл Томас Джефферсон.

1 июня 1779 года автор Декларации независимости был избран губернатором Виргинии и пробыл на этом посту до 1782 года. Его отказу баллотироваться в третий раз способствовали смерть жены и пошатнувшиеся хозяйственные дела. Политику больше импонировали мирные труды над «Заметками о Виргинии», которые он писал по просьбе секретаря французского посольства в Филадельфии. Книга стала одним из лучших трудов о Виргинии и до сих пор читается с неослабевающим интересом.

Но долго наслаждаться литературными трудами Джефферсону не пришлось. В конце 1782 года Конгресс решил направить его послом во Францию. 8 июня 1782 года Джефферсон отбыл к берегам французского королевства. 30 августа в селении Пасси он встретился с Франклином и прибывшим из Гааги Адамсом. Им надлежало выработать дипломатические основы сотрудничества с европейскими странами, условия заключения договоров с Англией, Гамбургом, Саксонией, Пруссией, Данией, Россией, Австрией, Венецией, Римом, Неаполем, Тосканой, Сардинией, Генуей, Испанией, Португалией, Османской империей, Алжиром, Тунисом и Марокко. Кроме того, предстояло обновить договоры с Францией, Голландией и Швецией. Главной задачей стало налаживание торгового сотрудничества.

Закончив эту важную и сложную работу, Франклин наконец-то мог подать в отставку. 10 марта 1785 года Джефферсон вместо него был назначен послом и занимал этот пост до 1789 года.

Дела у преемника пошли довольно вяло. Впрочем, в том не его вина. В задачи Франклина входило сохранить союз с Францией в противовес Англии и способствовать развитию американской торговли с ведущими европейскими странами. Европейские государства, занятые своими проблемами, мало интересовались новым торговым партнером. На первых порах договор удалось подписать только со слабенькой Пруссией. Джефферсон утешал себя тем, что в случае войны американский флот сможет найти приют в прусских гаванях. Но вскоре эта страна отвергла договор. Было отчего прийти в уныние. Однако в 1789 году американский Конгресс одобрил посольскую деятельность Джефферсона и продлил его полномочия еще на три года. Но срок этот отбыть ему не довелось. Президент Вашингтон решил назначить его государственным секретарем.

В обязанности Джефферсона входило руководство внешнеполитической службой, проведение цензов, гарантирование патентов, наблюдение за работой федеральных служб, контроль над употреблением государственной печати, публикация законов, рассмотрение трений между штатами, определение границ между штатами и другое.

С первых же дней у Джефферсона стали складываться непростые отношения с главой департамента финансов и лидером федералистов А. Гамильтоном. Тот стремился превратить США в строго централизованную индустриальную державу. Сторонника «фермерской республики» и демократа Джефферсона это не устраивало.

Госсекретарь видел опасность как в крайней централизации, грозящей республике монархической формой правления, так и в чрезмерной самостоятельности отдельных штатов.

Главный конфликт между ними разразился по поводу создания национального банка. В конце концов Гамильтон победил. Конгресс утвердил представленный им законопроект, а Вашингтон подписал Закон об учреждении Банка Соединенных Штатов. В июле 1793 года Джефферсон подал в отставку. Он понимал, что этот факт означает негативное отношение большинства в правительстве к его курсу. Вашингтон просил его задержаться, поэтому только в январе следующего года госсекретарь оставил свой пост и покинул Филадельфию.

Томас направился в Монтиселло, где ждала его красавица дочь Мэри. Марта уже успела выйти замуж, подарить ему внука и жила по соседству. Отныне все внимание бывшего государственного деятеля заняли семейные и хозяйственные хлопоты. Он решил перестроить свой дом и намеревался создать лучшее хозяйство в Соединенных Штатах. В течение нескольких лет Джефферсон занимается проблемами улучшения своих полей и ферм. Но тут на его пути встало извечное проклятие Юга – рабство.

Ненавидевший рабство Джефферсон был очень мягким хозяином. Он боролся с телесными наказаниями, стимулировал труд рабов увеличением заработка. Но все это мешало ему в полной мере воспользоваться результатами рабского труда, который эффективен только при нещадной эксплуатации. Пытался хозяин Монтиселло заниматься и развитием ремесел. Он планировал производство поташа, потом создание гвоздильни и даже делал ключи, замки, цепи, строил мельницу.

Занятый всеми этими делами, Джефферсон, казалось, совсем отошел от политики. Но шло время, и жизнь сельского помещика постепенно стала надоедать. Томас чувствовал, что «домашнее заточение» негативно отражается на его разуме.

Еще в 1792 году вместе с противником политики Гамильтона Медисоном он организовал первую оппозиционную партию в истории Америки. Чтобы предостеречь от возврата монархии, ее стали называть республиканской. Во второй половине 90-х годов партия стала набирать силу. Республиканцы понимали, что только авторитет Вашингтона поддерживает федералистов и стоит тому уйти с поста президента, как республиканцы смогут рассчитывать на победу на выборах. Они стали искать лидера, который пользовался бы не меньшим, чем у Вашингтона, авторитетом, и нашли его в Джефферсоне. Автор Декларации независимости дал согласие баллотироваться на президентских выборах 1796 года.

Пожалуй, единственный в истории Соединенных Штатов кандидат в президенты не стал проявлять никакой активности. Он спокойно жил в Монтиселло, предоставив республиканцам заниматься предвыборной кампанией. И все же для победы над Джоном Адамсом ему не хватило всего четырех голосов. Второе место давало право на пост вице-президента.

В 1800 году Джефферсон вновь выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах. На этот раз избирательную кампанию развернули с большим размахом. Была издана биография лидера республиканцев, а единомышленники вице-президента даже написали песню: «Джефферсон и свобода». 12 декабря 1800 года в Монтиселло прискакал гонец с запиской о победе.

С первых же дней новый президент нарушил введенные Вашингтоном традиции, согласно которым престиж президента поддерживался дистанцией между руководителем страны и народом, а также внешней пышностью церемониалов и быта. На церемонию введения в должность Джефферсон пришел пешком, в скромной одежде и без парика. Из обихода ушли вычурные обращения и остался только «мистер». Президент отказался от четверки лошадей с эскортом в ливреях. Он предпочитал выезжать верхом, но, правда, с охраной. Послания к Конгрессу перестали зачитываться им лично и просто направлялись по почте (эта традиция сохранялась вплоть до 1913 года). Частые застолья в его доме славились непринужденностью обстановки и интересными беседами. Даже свой день рождения президент хранил в тайне, чтобы избежать каких-либо церемоний, например бала по этому поводу, который давался при предыдущих правителях.

К числу достижений третьего президента следует отнести обеспечение выплаты национального долга, образовавшегося еще во время революции и предыдущего правления. При этом добиться этого удалось на фоне резкого уменьшения налогов путем строжайшей экономии федеральных расходов. В 1803 года Джефферсону удалось почти вдвое увеличить территорию Соединенных Штатов за счет покупки всего за 125 тыс. долларов Луизианы.

Успехи внешней и внутренней политики позволили автору Декларации независимости выдвинуть свою кандидатуру на выборах 1804 года и победить. В инаугурационном обращении

он обещал американцам дальнейшее уменьшение налогов. Но на третий срок свою кандидатуру президент выдвигать не стал, считая это неделикатным по отношению к памяти Вашингтона. Новым президентом стал республиканец Медисон, то есть партия президента не утратила своего влияния.

Главное дело жизни Джефферсона закончилось. Он спокойно зажил в Монтиселло и почти не интересовался политикой. Соратники по партии звали его вернуться, в 1812 году предлагали вновь баллотироваться на президентских выборах. Он неизменно отказывался. Семья (у президента было одиннадцать внуков), хозяйство, обширная корреспонденция, чтение, научные изыскания – вот главные занятия последнего из «отцов-основателей» Соединенных Штатов в этот период.

В доме постоянно бывало множество посетителей. Хозяин Монтиселло имел наготове пятьдесят кроватей на случай, если гостей бывало очень много. С равным вниманием Джефферсон принимал у себя и Лафайета, и соседа-фермера, и партийного лидера. Посетителям показывалась галерея, где висела коллекция картин Рафаэля, Рубенса, Пуссена, других мастеров кисти. Постоянное общение не мешало научным занятиям. Джефферсон был известен своими работами по сравнительному анализу классификаций органического мира Линнея, Кювье и Блюменбаха, описанием и характеристикой американских и сибирских ископаемых, трудами по математике, стандартам мер и весов, языкознанию. Большую известность приобрели его критические заметки к философии Юма и Блекстона, разбор философии эпикурейцев. Не меньшим интересом пользовались коллекции американских редкостей, в том числе останки доисторических животных. В течение многих лет, вплоть до 1814 года, Джефферсон состоял президентом Американского философского общества (Академии наук). Единственный среди американцев, его современников, был избран во Французский институт (Академию наук). Среди иностранцев таких членов насчитывалось всего восемь человек.

И все же его деятельная натура требовала выхода на общественном поприще. Теперь появилось время для возобновления работы по созданию системы общественного просвещения. Главным итогом этой колоссальной работы стал созданный в 1819 году Виргинский университет. Джефферсон добился принятия закона о его основании, занимался архитектурным планированием, созданием системы обучения, изыскивал средства для строительства. В результате Виргиния, да и вся Америка, получила лучший по тем временам университет.

Весной 1826 года Джефферсон стал испытывать сильное недомогание. Он говорил: «Я, как старые часы, у которых стерлась шестерня там и колесо здесь, еще немного – и они не смогут идти». Чувствуя приближение смерти, экс-президент написал завещание. А 4 июля 1826 года, в пятидесятый День независимости США, автора Декларации независимости не стало. В маленьком ящике рабочего стола была найдена записка с образцом надгробной надписи. Она показывает, что именно считал Джефферсон главным итогом своей долгой и насыщенной жизни. Вот ее текст: «Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор Декларации американской независимости, виргинского статута о религиозной свободе и основатель Виргинского университета».

Но Джефферсон многое дал не только своей стране. Проходят годы, а его формула о правах человека на «жизнь, свободу, стремление к счастью» не теряет значения для всего человечества.

МАРАТ ЖАН ПОЛЬ

(род. в 1743 г. – ум. в 1793 г.)

Один из лидеров Великой французской революции, якобинец, «Друг народа», заложивший основы революционного террора.

«Такие, как Марат, несут погибель. Я убила одного, чтобы спасти сотни тысяч. Я убила негодяя, чтобы отомстить за невинных. Убила кровожадную тварь, чтобы доставить своему отечеству спокойствие», – заявила трибуналу убившая Марата Шарлотта Корде. Для многих она стала символом возмездия – эта убежденная республиканка, не смирившаяся с поруганием идеалов революции и сознательно принесящая себя в жертву. Марата было за что убивать.

Жан Поль появился на свет 24 мая 1743 года в городке Будри, в княжестве Невшатель, которое входило во владения прусского короля Фридриха Второго, в семье бывшего католического священника, принявшего протестантство и трудившегося художником-рисовальщиком на текстильной фабрике. Семья была большой, за первенцем Жаном Полем появилось еще пять детей – две девочки и три мальчика. Глава семейства, уйдя с фабрики, стал преподавать иностранные языки, а затем переквалифицировался в медики. Жан Поль весьма уважительно отзывался об отце, который хотел сделать из сына ученого, но значительно чаще и теплее он вспоминал о матери, оказавшей решающее влияние на развитие его характера и этических идеалов. В детстве мальчик очень любил читать, но еще больше любил мечтать о славе. «Единственная страсть, пожиравшая мою душу, – писал он впоследствии, – была любовь к славе». Вполне понятные мечты, поскольку мальчик рос довольно хилым и многие детские забавы были ему недоступны. Все это, несомненно, наложило отпечаток на характер будущего «Друга народа».

В 16 лет Жан Поль ушел из родительского дома. Одно время он хотел отправиться в Россию, в Тобольск, для проведения там астрономических наблюдений. Но жизнь распорядилась иначе: в течение двух лет юноше пришлось служить в Бордо воспитателем детей богатого

негоцианта Нерака. Все свободное время он отдавал самообразованию: читал все и обо всем, стремился всемерно расширить свои знания и мечтал стать медиком. В 1762 году Жан Поль переехал в Париж. С усердием изучая медицину, он в то же время увлекся общественными науками: философией, правом, историей, экономическими и социальными вопросами. Его кумирами стали Монтескье и особенно Руссо. Однако стремление постичь все и сразу привело лишь к тому, что знания экономики и философии оказались весьма слабыми и смутными. Марат все более склонялся к медицине как наиболее верному пути к достижению славы. Жан Поль грезил тогда лаврами нового Гиппократы. Но учиться на медицинском факультете Парижского университета он не захотел. Это требовало долгих лет, а Марат спешил. В Париже его больше ничто не держало, и в 1765 году Жан Поль уехал в Лондон.

Марат прибыл в страну с совсем иным политическим климатом, чем в абсолютистской Франции. Здесь веяло политической свободой. Молодой иностранец выделялся угрюмым, замкнутым характером, нескрываемым чувством превосходства и жаждой славы, но встретили его неплохо. Жан Поль обзавелся друзьями, поддержка которых обеспечивала его существование. Они подыскивали для него возможность зарабатывать врачебной практикой. У Марата появилась любовница – художница Анжелика Кауфман, ставшая впоследствии довольно известной. В 1770 году его пригласили в качестве «врача и ветеринара» в Ньюкасл. Здесь он приобрел репутацию хорошего врача. За заслуги в борьбе с эпидемией власти дали ему, иностранцу, права гражданина города, а в 1775 году уже Эдинбургский университет присудил степень доктора медицины. Врачебная практика приносила хорошие доходы, и, скопив достаточно денег, Марат за свой счет издал в Лондоне две книги. Он не удовлетворялся одной медициной. На свет появился его роман «Приключения молодого графа Понятовского». В свободное от литературных занятий время Марат с энтузиазмом бегал на митинги и заседания различных клубов. Это была хорошая политическая школа: он понял силу прессы в формировании общественного мнения и осознал, что газета в руках энергичного и смелого человека может открыть путь к влиянию и славе. И еще Жан Поль пришел к убеждению, что для окончательного сокрушения деспотизма необходим систематический террор. Об этом он написал в книге «Цепи рабства», опубликованной в Лондоне в 1774 году. Через два года Марат вернулся на родину.

Франция встретила его прохладно: здесь Марата считали шарлатаном, в лучшем случае – ветеринаром. Но постепенно все стало меняться: он стал известен. Он лечил и простолюдинов, и аристократов. Его стали называть «врач неисцелимых». А вскоре последовало приглашение ко двору: до середины 80-х годов Марат являлся врачом брата короля графа д'Артуа. Одновременно он проводил исследования в области медицины и физики и печатал свои труды. К началу революции вышло 8 томов его изысканий. Но после ссоры с Парижской академией его труды перестали публиковать, официальная наука Марата вообще игнорировала. В 1788 году тяжелая болезнь чуть не свела его в могилу, но он выжил. Выжил для того, чтобы сказать свое слово приближавшейся революции.

События 14 июля 1789 года полностью изменили жизнь доктора медицины. Прежние опыты были заброшены, им овладела другая страсть. «Политика, – писал Марат, – такая же наука, как и всякая другая...» Поначалу он сблизился с признанными лидерами Учредительного собрания Мирабо, Лафайетом и Байя – сторонниками конституционной монархии. Однако вскоре взгляды Марата «полевели». С началом крестьянских восстаний произошел раскол в третьем сословии, левое крыло которого требовало продолжения революции. 12 сентября вышел первый номер «Парижского публициста» с эпиграфом из Руссо: «Посвятить жизнь правде». Но уже с шестого номера газета стала называться «Друг народа». Редактором ее был Марат, и вскоре название газеты стало применяться и к нему. Марат издавал газету сам, за собственный счет, не получая ни от кого ни субсидий, ни финансовой помощи. Вскоре она приобрела такое влияние, что обратила на себя внимание властей и подверглась репрессиям.

Главная мысль, проводившаяся в газете: революция не закончена, она только начинается, она еще не сокрушила своих врагов и не разрешила стоящих перед ней задач. Марат апеллировал не к депутатам, а к народу, указывая на грозившую революции опасность со стороны королевского двора. 4 октября он призвал народ вооружиться и идти на Версаль. 6 октября ворвавшиеся во дворец толпы народа заставили короля утвердить все постановления Национального собрания и вернуться в Париж. Через два дня издание «Друга народа» почти на месяц было прервано, а редактору, подлежащему аресту, пришлось бы уйти в подполье. В начале января 1790 года власти вновь попытались арестовать Марата, он вынужден был бежать в Англию и только в мае вернулся во Францию. Интересно, что главным защитником Марата стал дистрикт кордельеров во главе с Дантоном.

По возвращении на родину Марат обнаружил, что остался без средств к существованию. Помощь ему оказала 25-летняя патриотка Симона Эврар, увлеченная его газетой и ставшая вскоре его женой. Хотя отношения и не были официально оформлены, их союз оказался счастливым.

Летом 1791 года положение во Франции обострилось. Европейские монархи готовили интервенцию, а Людовик XVI попытался бежать из страны. Тогда Марат призвал народ низложить короля, хотя ликвидации монархии в целом он не требовал, в отличие от якобинцев и кордельеров. 17 июля грянули события, окончательно расколовшие третье сословие, – расстрел национальными гвардейцами демонстрации на Марсовом поле. И вновь Марат призвал народ к продолжению революции. Но опасность ареста возросла, и он с декабря 1791 по май 1792 года опять укрывался в Англии. Марат вернулся, когда европейские страны готовили интервенцию против революционной Франции. По поводу ответных шагов в рядах французской демократии обнаружились различные мнения. Стоявшие в этот момент у власти жирондисты призывали к войне. Робеспьер был против, считая, что это на руку только королю. Марат полностью разделял позиции Робеспьера, но победили жирондисты, объявив 20 апреля 1792 года войну Австрийской империи. Однако война складывалась весьма неудачно для Франции. Антивоенные выступления Марата и его критика жирондистов привели к тому, что Законодательное собрание приняло против него специальный декрет. Под запрет попала и его газета. Марат вынужден был снова уйти в подполье. Но с июля он опять заговорил в полный голос, призывая народ к восстанию, свержению монархии и «наказанию всех заговорщиков». Восстание 10 августа смело монархию. В тот же день Марат вошел в состав Наблюдательного комитета Парижской коммуны. Теперь он стоял в одном ряду вождей революции вместе с Робеспьером и Дантоном. На фоне военных неудач, крестьянских восстаний в Вандее и Бретани, усиливавшейся борьбы с жирондистами Марат предложил ряд практических мер для спасения Франции, подчеркнув необходимость революционного террора. «Только силой, – писал он, – можно прийти к торжеству свободы и обеспечить общественное спасение».

20 сентября 1792 года в Париже собрался Национальный Конвент, где сразу развернулась борьба между якобинцами (Гора) и жирондистами. Через два дня Францию объявили республикой. Марат стал депутатом Конвента. Уже 25 сентября жирондисты обвинили его и Робеспьера в стремлении к диктатуре. На страницах своей газеты Марат отверг обвинение и тут же стал добиваться казни короля. 21 января 1793 года король был казнен. Рост авторитета Марата привел к тому, что в апреле якобинцы единодушно избрали его президентом своего клуба, и здесь он вновь потребовал отстранения от власти жирондистов. Тогда жирондисты решили отдать его под суд. Это вызвало массовое негодование и накалило обстановку в Париже. 24 апреля революционный трибунал полностью оправдал Марата, и тогда он вновь призвал к диктатуре: «Если бы пришлось пожертвовать всеми законами ради общественного блага – первого из законов, – то я утверждаю, что среди нас не найдется никого, кто бы не захотел этого сделать». Восстание 31 мая – 2 июня 1793 года свергло власть Жиронды. Депутаты-жирондисты были арестованы, а впоследствии казнены.

Весной 1793 года Марата поразила тяжелая болезнь. У него был жар, его все время лихорадило и мучил непрерывный зуд. Но и лежа в постели, он продолжал работать. Правда, большую часть рабочего времени Марат проводил в ванне, наполненной специальным раствором. На страницах своей газеты он выступил с критикой «мягких» мер по отношению к врагам революции. Поначалу он требовал казни 20 тыс. аристократов, затем 40 тыс., а потом – 270 тыс. Поскольку авторитет Марата был непререкаем, возможно, так бы и случилось, но тут и появилась Шарлотта Корде. 13 июля она под предлогом необходимости передать Марату важные сведения смогла проникнуть в дом. Ярый сторонник революционного террора принял девушку, сидя в ванне. Она приблизилась и нанесла ему удар кинжалом. Рана оказалась смертельной. Гибель Марата открыла дорогу невиданному до тех пор террору, поглотившему и врагов революции, и самих революционеров.

МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЭЛЬ РИКЕТИ

(род. в 1749 г. – ум. в 1791 г.)

Лидер первого этапа Великой французской революции.

Оноре Габриэль Рикети, граф Мирабо, родился в замке Ле Биньон, который принадлежал семье Мирабо с XVI века, на юге Франции, в семье маркиза Мирабо, у которого уже было 11 детей. Отец семейства был приверженцем идей Просвещения, одним из основоположников физиократического учения политэкономии. «Трудные роды едва не стоили матери жизни. У новорожденного была искривленная ножка и непомерно большая голова. В раннем детстве мальчик часто болел; когда ему было три года, он заболел оспой, оставившей следы на его лице», – пишет А. Манфред. Известно, что свою жену, мать Оноре, урожденную баронессу де Васан, маркиз Мирабо ненавидел, а сына – презирал.

Оноре Мирабо с детства отличался буйным, неукротимым нравом, необузданностью, истерическим характером, непомерной гордыней, вечно конфликтовал с родителями. Несмотря на то что молодой человек был очень некрасив, лицо его было изъедено оспой, он с юности пользовался успехом у женщин. С 14 лет его манят любовные приключения, он ворует родительские деньги, делает огромные долги. Оноре надеялся на карьеру военного и умолял отца купить офицерский патент. Но тот отказал ему в помощи и заявил, что не станет оплачивать бесконечные долги сына.

Неуемный и дерзкий, восемнадцатилетний Оноре по требованию отца был заключен в крепость на острове Ре. Оттуда он вышел, лишь когда высказал готовность отправиться добровольцем в военную экспедицию на Корсику. В 1770 году отец неожиданно приблизил сына к себе. Это объяснялось стремлением старого маркиза получить большое наследство, оставшееся после умершей тещи. Оноре был отправлен к матери с требованием разделить наследство между нею и ее мужем. Но мать вместо ответа выстрелила в родного сына, едва не лишив его жизни.

Женитьба в 1772 году на богатой наследнице Эмили де Мариньян не успокоила молодого повесу. Приданое жены и средства, выделенные отцом, быстро растаяли, а Оноре был сослан сначала в альпийский городок Маноск, затем на остров Иф и наконец в форт Жю. Из заключения Мирабо вместе со своей любовницей бежал в Дижон, но был арестован и снова брошен в крепость. Одно из его походов шокировало всю Францию – он совратил и похитил супругу главы безансонского магистрата Софи де Монье. Литературный опус Мирабо «Письма к Софи» обессмертил его имя как тонкого лирика.

В 1777 году он бежит в свободную Голландию. Отец и жена Оноре обращаются в суд, по решению которого Мирабо приговорен к отсечению головы. Но когда Оноре поймали и вернули во Францию, его пощадили и заточили в Венсенский замок. В 1783 году, по собственной инициативе, Оноре подал апелляцию и добился оправдательного приговора. Выступая на судебных процессах, Мирабо совершенствовал свой незаурядный ораторский талант, добиваясь максимального эмоционального воздействия на публику. Свои личностные проблемы он умело относил на счет пороков монархического строя.

Выйдя на свободу в 1785 году поселившись в Париже, Мирабо стал зарабатывать на жизнь литературой – писал стихи, книги, памфлеты и трактаты, в которых обличал абсолютистский режим: «Опыт о деспотизме» (о тайных королевских предписаниях, о тюрьмах), «О прусской монархии», «Секретная история Берлинского двора». Благодаря своему острому перу он оказался в центре политической борьбы. Мирабо критиковал министров, банкиров, фаворитов, всю прогнившую систему феодализма... В то же время он был принят при королевском дворе и в 1786 году послан с дипломатической миссией в Прусское королевство.

С 1787 года Мирабо стал собирать в своем парижском особняке революционную молодежь (рядом с ним появился блестящий журналист Бриссо – будущий лидер жирондистов). «Ателье Мирабо» – как называлась эта фрондирующая «группа» – стала притягательным культурно-политическим центром французской столицы. Опасаясь новых, уже политических преследований, Мирабо уехал из Франции, но в разгар выборов в Генеральные штаты, в 1788 году, вернулся на родину. Вскоре Мирабо выдвинул свою кандидатуру в депутаты Генеральных штатов от третьего сословия Прованса. Ораторский талант, громкие процессы, заключение в крепость и изгнание принесли Мирабо славу невинного мученика и борца против системы, сделали его имя популярным среди обывателей. Он пытался стать лидером и рупором третьего сословия, которое видело в нем и смутьяна-бунтаря, и повесу-оригинала. Ораторский и актерский дар помогали Мирабо обличать произвол и деспотизм в стране.

Уродливый большеголовый толстяк завораживал слушателей своей внешностью и громовым голосом. Парижская толпа носила его на руках и называла... «маман» Мирабо. Он одним из первых во Франции объявил с трибуны о необходимости свободы, национального единства, установления парламентской монархии.

Когда Мирабо уже был депутатом Генеральных штатов, на заседании 23 июня 1789 года он крикнул церемониймейстеру королевского двора, который объявил указ короля о роспуске Генеральных штатов: «Идите, скажите вашему господину, что мы здесь собрались по воле народа и нас нельзя удалить отсюда иначе, как силою штыков!» После этих задиристых слов (а подобной дерзости по отношению к королю еще никто себе не позволял) Мирабо стал вождем и кумиром революционных масс и одним из лидеров Генеральных штатов. В Генеральных штатах Мирабо возглавлял группу депутатов, которые выступали за конституционную монархию и свободу вероисповедания.

На первом этапе Французской революции, когда Робеспьер, Дантон и Марат еще находились в тени, Мирабо был самой популярной фигурой. По его предложению был принят закон о депутатской неприкосновенности, приступили к формированию Национальной гвардии, начался процесс законодательной отмены феодальных прав, конфисковали часть церковного имущества.

Став лидером новой революционной элиты, Мирабо был в числе основателей знаменитого Якобинского клуба и Общества 1789 года. Вместе с тем он чувствовал опасность поспешных реформ, народной анархии и уже осенью 1789 года выступил за сворачивание революции. Дело в том, что Французская революция развивалась не так, как предполагали ее организаторы, поскольку первоначальной целью революции была конституционная монархия и политические свободы.

Мирабо пытался связаться с королем, который, как считал граф-революционер, необходим, чтобы поддержать политическое равновесие и порядок в стране. Мирабо также был уверен, что монархию во Франции необходимо реформировать и демократизировать, а не уничтожить. В октябре 1789-го он передал Людовику XVI записку, в которой предлагал признать основы нового порядка, объявить о единомыслии с народом, признать права нации, сформировать министерства, ответственные перед Конвентом. Вместе с тем для спасения монархии Мирабо советовал королю перебраться в провинциальный замок и на время отойти от государственных дел. Но эти спасительные для существования монархии предложения возмутили короля, который даже в страшном сне не мог представить, что дело закончится гильотиной.

Мирабо претендовал на пост министра без портфеля в новом революционном правительстве, но в ноябре 1789-го Учредительное собрание приняло декрет, запрещавший депутатам занимать министерские посты.

В апреле 1790-го, когда положение королевского двора ухудшилось, Людовик XVI заключил с Мирабо секретный договор, по которому тот становился тайным советником королевской семьи. Людовик выдал Мирабо большие суммы денег на погашение долгов и стал выплачивать ему жалованье. При дворе Мирабо защищал завоевания революции, а в Национальном собрании – интересы короля. Робеспьер и Марат, догадавшись о предательстве Мирабо, резко выступали против него.

С начала 1791 года Мирабо страдал болезнью глаз и болями в области желудка. В апреле 1791-го, на пике политической карьеры, в возрасте 42 лет Оноре Мирабо скончался от перитонита. В течение нескольких дней, пока Мирабо умирал, под окнами его дома часами стояли толпы преданных сочувствующих парижан, а мостовая была засыпана песком, чтобы стук колес и подков не тревожил больного. Последние слова Мирабо произнес «для истории»: «Саван монархии я уношу с собой в гроб!»

Пышные похороны Мирабо превратились в грандиозную манифестацию революционеров, и впервые его останки были захоронены в соборе Св. Мадлены, что был превращен в Пантеон Великих людей. Его прах первым же и покинул Пантеон. В 1793-м была найдена и обнародована секретная переписка короля, компрометирующая революционного графа как «агента монархии». Выброшенный из Пантеона, прах Мирабо упокоился на кладбище для преступников в предместье Парижа. Российская императрица Екатерина Вторая писала, что Мирабо «... заслуживает не одной, а нескольких виселиц», а вот Карл Маркс назвал его «львом революции».

РОБЕСПЬЕР МАКСИМИЛЬЕН

(род. в 1758 г. – ум. в 1794 г.)

Вождь якобинцев, главный проводник революционного террора во Франции.

Удар... И очередная голова отлетела в корзину, глядя стекленеющими глазами на толпу, орущую от восторга, – еще одним врагом народа стало меньше. И не ведают жадно взирающие на зрелище казни люди, что над головами многих из них уже занесен нож гильотины и что скоро их головы, падая в корзину, такими же глазами будут смотреть на такую же толпу, звереющую от вида потоков крови...

1793 год. Якобинский террор набирает силу, и во главе его стоит Максимильен Робеспьер. Этому человеку во Франции не поставлено ни одного памятника, его именем не названы ни улицы, ни площади – уж слишком кровавую память оставил он по себе. «Отправляйся в ад, проклинаемый...» – кричали люди в лицо Робеспьеру, когда он сам в тележке «исполнителя наказания» Самсона отправился в свой последний путь – к гильотине.

В 27 лет он страстно призывал к отмене смертной казни, в 35 – утверждал, что ее применение является непреложной обязанностью революционного правительства; в начале своей политической карьеры он отстаивал интересы тружеников, под конец жизни – оттолкнул их от себя; строгий законник – покончивший затем даже с видимостью законности судопроизводства. Этот революционер, которого сперва называли «патриот Робеспьер», потом «неподкупный Робеспьер», затем «доблестный Робеспьер», вырос в «великого Робеспьера», но настал день – и его называли тираном. «Жажда власти, – писала о нем мадам Тюссо, – была стимулом, побуждавшим его жертвовать любыми принципами и преодолевать любые препятствия», а член Конвента Ш. Фуше в мемуарах вспоминал: «...Робеспьер, полный гордыни и хитрости; завистливое, злобное, мстительное создание, которое никогда не могло насытиться кровью своих товарищей и которое благодаря своим способностям, постоянству... ясности ума и

упрямству характера взяло верх над самыми опасными обстоятельствами, воспользовавшись своим главенствующим положением в Комитете общественного спасения, он открыто устремился к тирании».

Максимильен Мара Исидор де Робеспьер родился в Аррасе 6 мая 1758 года. Его отец был активным масоном, членом «Ложы великого востока» и участвовал в организации отделений ложи. Вполне возможно, что сын продолжил его дело. Отец по профессии был адвокатом, но эта его деятельность складывалась крайне неудачно, он часто занимал деньги, надолго уезжал в поисках заработка. Мать – дочь богатого пивовара, который зятя терпеть не мог, – умерла, когда Максимильену исполнилось 6 лет (отец умер в Германии в 1777 году). После смерти матери мальчик жил в богатом доме деда. В 1765 году тот отдал внука в Аррасский коллеж, преподавателями которого были священники-ораторианцы. Мальчик был прилежен, послушен, аккуратен и набожен. Это не осталось незамеченным, и когда ему исполнилось 11 лет, епископ Арраса пожаловал Максимильену стипендию для продолжения учебы в коллеже Людовика Великого в Париже. Учился он отлично, получал награды; держался замкнуто, но с товарищами у него сложились хорошие отношения, особенно с Камилом Демуленом. Круг интересов Максимильена был широк: история, литература, древние языки, философия. Но главным его увлечением стали идеи Руссо, особенно принципы его политической теории – суверенитет народа и политическое равенство.

Но вот учеба позади. В августе 1781 года Максимильена зачислили адвокатом Парижского парламента. Однако жизнь в Париже была не по карману начинающему адвокату, и Максимильен принял решение вернуться в Аррас, где у него были родственные связи. В ноябре его приняли в корпорацию адвокатов города. Вскоре добросовестность и серьезность молодого человека были замечены: его назначили судьей епископского трибунала. Это давало жалованье, доходную клиентуру и солидное положение. Жизнь становилась спокойной, размеренной и обеспеченной. Ведение хозяйства лежало на плечах сестры Шарлотты. У Максимильена же главной заботой стал внешний вид: на одежду он никогда не жалел денег. Установились и педантичные привычки образцового судебного чиновника, который всем видом внушает доверие. Что отличало Робеспьера от многих коллег – это бескорыстность: берясь за защиту бедняка, он отказывался от гонорара. Для него принципы, внушенные Руссо, были дороже всего, а самые главные из них – свобода и право на жизнь. В то время Максимильен вошел в литературное общество «Розати»; в 1783 году был принят в местную Академию литературы, наук и искусств, через три года избран ее президентом. Тогда же он разработал тему о несправедливости наказаний, падавших на членов семьи виновного. Это сочинение было премировано Королевским обществом наук и искусств в г. Меце.

Но тихая жизнь уже заканчивалась: Франция стояла накануне страшных потрясений, коренным образом изменивших судьбу скромного адвоката. Финансовый крах 1788–1789 годов, застой в промышленности, неурожай и особенно попытка правительства ввести новые налоги привели к социальному взрыву. Все настойчивее раздавались требования созыва Генеральных штатов. В это же время аррасское общество весьма охладело к Робеспьеру. Причиной этого послужила защита им ремесленника Ф. Детефа, ложно обвиненного в краже. В нарушение всех правил он еще до суда опубликовал свою речь, имевшую бунтарский характер. После этого Робеспьера перестали приглашать на конференции юристов, перед ним закрылись все двери, казалось, карьере адвоката пришел конец. В Аррасе ему нечего было больше делать, и Максимильен задумался о переезде в Париж. Вот здесь ему и улыбнулась удача. В марте 1789 года Робеспьера избрали депутатом в Генеральные штаты от третьего сословия. Программа его сводилась к следующему: возможность для любого гражданина занимать государственные должности, гарантия личной неприкосновенности, полная свобода печати, веротерпимость, пропорциональная разверстка налогов, устранение всех привилегий, ограничение прав исполнительной власти.

17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, а 9 июля собрание объявило себя Учредительным, подчеркивая этим, что главной задачей считает учреждение нового строя и выработку конституции. Это было только начало событий. Отставка министра финансов Неккера привела к взрыву. Раздался призыв: «К оружию!» И первым, кто это крикнул, был друг детства Робеспьера Демулен. Произошли кровавые столкновения с войсками, возводились баррикады. К вечеру 12 июля Париж оказался во власти народа, к которому примкнули и солдаты гвардии. Оставалось только взять крепость-тюрьму Бастилию. 14 июля она пала.

Во время этих событий Робеспьер играл безгласную, пассивную роль. Он терпеливо выжидал своего часа и был отнюдь не на стороне голодающих рабочих, а на стороне буржуазии – «именитых горожан». Король напуган – этого достаточно. Начали формироваться новые органы власти: буржуазная Парижская коммуна, Национальная гвардия во главе с либеральным маркизом Лафайетом. Во всех городах создавались муниципалитеты, подконтрольные буржуазии. Но когда запыхали крестьянские восстания, то в деревни были направлены отряды Национальной гвардии для «обуздания мятежников» и «прекращения смут». Вот тогда Робеспьер неожиданно для многих выступил в защиту крестьян, делая упор на то, что борьба еще не кончилась, что это не мятежи, а борьба за спасение революции. Теперь его все чаще видели на трибуне, он выступал по отдельным статьям «Декларации человека и гражданина». Однако король, уже подумывавший о разгоне Учредительного собрания, только 5 октября 1789 года под давлением толп народа, ворвавшихся в Версальский дворец, вынужден был утвердить Декларацию.

В этот период большую роль в жизни революционной Франции стали играть политические клубы. Они образовывались, как правило, при монастырях. Сторонники конституционной монархии (Лафайет) образовали Клуб фельянов, Клуб кордельеров (Эбер, Шометт, Дантон, Марат) стоял на республиканских позициях. Но наибольшей популярностью пользовался Якобинский клуб, или «Общество друзей конституции», куда входили различные группировки Учредительного собрания, одну из которых возглавлял Робеспьер. Он не пропускал ни одного заседания клуба, здесь проверял свои речи, прежде чем выйти на трибуну.

События 17 июля 1791 года – расстрел Национальной гвардией, которой командовал Лафайет, народа на Марсовом поле, принятие конституции, закрепившей в стране конституционную монархию, – означали, что появились силы, стремящиеся закончить революцию. Только якобинцы и кордельеры требовали ее продолжения.

С 1792 года в Законодательном собрании развернулась борьба разных группировок по вопросу о войне. На войне с соседними государствами настаивали стоявшие в тот момент у власти жирондисты (умеренные депутаты, представлявшие в основном департамент Жиронда). Монтаньяры, или Гора (якобинцы и кордельеры), которых возглавлял Робеспьер, были резко против, считая, что эта война на руку только королю и его приверженцам-роялистам, надевшимся на разгром революционной Франции. И действительно, поражения на фронтах и предательство в армии вели именно к этому. Ответом стало народное восстание в Париже 10 августа 1792 года. Монархия пала, король был заключен в тюрьму. А Робеспьер наряду с Дантоном, Маратом и Шометтом был избран членом революционной Коммуны.

Противостояние жирондистов и монтаньяров усилилось после образования 20 сентября Национального Конвента. Робеспьера обвинили в угрозах депутатам и организации массовых убийств в тюрьмах. Было убито около 1400 человек. Однако тогда Робеспьер сумел оправдаться, а в декабре именно его речь в Конвенте явилась последней каплей, решившей судьбу Людовика XVI, – смерть. 21 января 1793 года король был казнен. После этого началось наступление Горы на жирондистов. Робеспьер обвинил их в заговоре против революции. В ответ они спровоцировали суд над Маратом. Но это лишь усилило противостояние и привело к тому, что, выступая в Якобинском клубе, Робеспьер призвал народ к восстанию. После восстания

31 мая – 2 июня депутаты-жирондисты в нарушение депутатской неприкосновенности были арестованы и через 5 месяцев казнены. Победила Гора, на вершине власти – три вождя: Марат, Дантон и Робеспьер. Но двое первых уже мешают Робеспьеру в его стремлении к личной власти. Вскоре Дантона исключили из Комитета общественного спасения (правительства). Туда вошли друзья Робеспьера. А 13 июля от кинжала Шарлотты Корде погиб Марат. Это открыло путь террору. Комитету общественного спасения, душой которого стал Робеспьер, было дано право арестовывать подозрительных лиц и контролировать работу министров. Был реорганизован Революционный трибунал, судопроизводство упрощено и ускорено. Шометт от имени левых якобинцев потребовал поставить террор в порядок дня. И, вторя ему, Робеспьер в Якобинском клубе заявил, что «врагов народа должно присуждать только к смерти». Вскоре было принято решение по поводу крестьянского восстания в Вандее. Конвент решил стереть там с лица земли леса как убежища мятежников, уничтожить посевы, скот, все мужское население. В тюрьмах уже не хватало мест – только в Париже открыли еще три. Для обвинения в преступлении против государства не требовалось никаких доказательств, обвиняемые лишались права защиты. Смерти подлежал любой, кто вызвал «упадок духа», распространял «ложные известия», «портит нравы» и т. п. В тюрьмах Парижа скончалось около 8 тысяч «подозрительных». На гильотину посылали по 50 человек сразу, причем дворяне среди них составляли всего 9 %. Однако настоящим началом террора можно считать 16 октября 1793 года. В этот день на площади Революции была казнена королева Мария Антуанетта. После этого гильотина не работала только ночью, причем террор распространился по всей стране. В Лионе приговоренных связывали группами от 50 до 200 человек и расстреливали картечью из пушек, закапывали живьем.

Весной 1794 года террор обратился против различных политических группировок, мешавших укреплению личной власти Робеспьера. Покончил с собой в тюрьме лидер «бешеных» Жак Ру. Эта группировка выступала от имени неимущих масс. Затем настала очередь Парижской коммуны. Были казнены прокурор Коммуны Шометт и его заместитель Эбер, призывавшие народ к восстанию против «снисходительного Дантона и его сторонников». Но затем Робеспьер сам обрушил удар против Дантона, понимая, что выступления против террора создают тому огромную популярность. В апреле Дантон и его сторонники были казнены. Как сказал один из осужденных: «Революция пожирает своих детей». В мае Робеспьер навязал Конвенту новый закон об усилении террора. Большая часть Конвента от этого закона пришла в ужас, так как речь шла о ликвидации суда и правосудия вообще и отмене неприкосновенности депутатов. Страх сплотил Конвент, и это означало конец единовластия Робеспьера. 27 июля 1794 года (9 термидора по новому революционному календарю) на заседании Конвента Робеспьера открыто обвинили в узурпации власти и тирании. Тут же единогласно был принят декрет о его аресте. Только Коммуна попыталась этому помешать: по ее приказу национальные гвардейцы освободили Робеспьера. Но он уже был сломлен и не мог действовать решительно. Тогда его вновь арестовали. 28 июля Робеспьер и еще 22 его сторонника были гильотинированы. На следующий день казнили еще 71 человека, главным образом членов Коммуны. Революция закончилась.

ДАНТОН ЖОРЖ ЖАК

(род. в 1759 г. – ум. в 1794 г.)

Один из лидеров Великой французской революции, сторонник якобинцев, занимавший примиренческую позицию по отношению к жирондистам.

«Робеспьер? – сказал Дантон. – Да я надену его себе на кончик большого пальца и заставлю вертеться волчком!» Это была ошибка. С подачи Робеспьера 10 жерминаля (30 марта) 1794 года последовал приказ об аресте Дантона и его ближайших сподвижников: Демулена, Филиппо, Делакура. Робеспьер давно собирал материалы против Дантона и теперь передал их своему соратнику Сен-Жюсту, который составил из них целую обвинительную речь. «Как банальный примиритель, – говорил он, – ты все свои речи начинал громовым треском, а заканчивал сделками между правдой и ложью. Ты ко всему приспособлялся!..» Сен-Жюст вспомнил и интриги с Мирабо, и деньги, полученные от двора, и попытки спасти королевское семейство, и союз с Жирондой, и шашни с подозрительными иностранцами, и непомерное увеличение личных богатств Дантона. После такой речи Конвент согласился на арест. Последнее слово оставалось за Революционным трибуналом.

Жорж Жак Дантон родился 26 октября 1759 года в Шампани, в маленьком городке Арси-Сюр-Об. Его дед, зажиточный крестьянин-землевладелец, стремился дать детям образование, и уже отец Жоржа Жака стал в Арси вначале судебным чиновником, а затем и прокурором. Мать была дочерью подрядчика строительных работ. В общем, типичная семья почтенных буржуа, в которой Жорж был четвертым ребенком. В 1762 году отец умер, а мать вскоре вторично вышла замуж. В детстве мальчик прилежанием не отличался. Его больше привлекали река, улица, драки, чем школа, латинская грамматика и история. Начальную школу он окончил с грехом пополам, и в 1772 году мать отправила сына учиться в г. Труа в коллеж монастыря ораторианцев. Здесь царил суровая дисциплина, так претившая свободолюбивому мальчишке. Прочувшись там всего год, он добился перевода в другой коллеж, где дисциплина была помягче.

Здесь Жорж увлекся Плутархом, Титом Ливием, самостоятельно выучил английский и итальянский языки. Богатырски сложенному юноше, обладавшему буйным нравом, было тесно в церковной школе. Его организаторские способности проявлялись при каждом удобном случае. Он всегда готов был возглавить недовольных, и уже тогда друзья дали ему прозвище Республиканец.

По окончании коллежа Жорж продолжал жить в Труа. Родственники настояли, чтобы он пошел по стопам отца. Для молодого буржуа это было перспективно, и Жорж решил стать адвокатом – и не простым, а великим адвокатом, потрясать сердца соотечественников, приобрести состояние и независимость. А для этого нужно было завоевать Париж. В 1780 году молодой честолюбец отправился в столицу. Там ему удалось получить работу клерка у прокурора парламента Вино. Фактически Жорж стал порученцем хозяина. Работа его мало увлекала, больше нравился театр. Но однажды во время болезни он вдруг занялся своим образованием: прочитал «Энциклопедию» – сокровищницу знаний буржуазии, – усвоил идеи Монтескье, Руссо и особенно Дидро. Тогда же Дантон понял, что без диплома ничего не добьется. Узнав, что легче всего получить его в Реймсе, он поехал туда и уже через год вернулся с дипломом адвоката. Вскоре Жорж записался в масонскую ложу «Девяти сестер». Изменились привычки молодого адвоката: потянуло в людные места, он стал завсегдатаем кофейен... В одной из них Жорж познакомился с Габриэль, дочерью хозяина, зажиточного буржуа. В 1787 году состоялась свадьба, на приданое отец невесты не поскупился.

Вскоре после женитьбы молодая семья поселилась на ул. Кордельеров в доме № 1. Срочно был сделан роскошный ремонт, завезена великолепная мебель, дорогие сервизы. На входной двери появилась табличка: «Кабинет г. д'Антон, адвоката при Королевских советах». Здесь стали появляться министры, аристократы – адвокат защищал их интересы. Правда, Дантон вел защиту и в делах о буржуазной собственности, не пренебрегал тяжбами ремесленников и крестьян. И всюду ему сопутствовал успех. За два года он рассчитался с долгами, оплатил меблировку квартиры, нанял двоих служащих и стал счастливым отцом. Но в размеренный ход жизни вмешалась революция.

В июльские дни 1789 года Дантон неожиданно для многих оказался на стороне революционеров, призывая народ к оружию. Еще раньше, когда собрались Генеральные штаты, а затем появилось Национальное собрание, где тон задавали представители третьего сословия, он понял, что дни абсолютизма сочтены. Теперь надо было быстро и четко выбирать, с кем идти. И Дантон выбрал: за старое держаться нечего, теперь его кредо – свобода! Уже тогда у него появилась идея – возглавить революцию. 13 июля Дантон на улицах Парижа призывал к восстанию, его громовой голос был слышен повсюду. После штурма Бастилии он стал капитаном народной милиции дистрикта (района) Кордельеров. Власть в столице перешла к созданному богатой буржуазией Постоянному комитету, преобразованному затем в Парижскую коммуну во главе с мэром Байя. Революция распространялась по стране, в июле-августе буржуазия захватывала муниципалитеты в городах, но зато начались крестьянские восстания. Для их подавления крупная буржуазия направила Национальную гвардию. С этого фактически начался раскол третьего сословия, и тридцатилетний преуспевающий адвокат оказался не с теми, кто в тот момент захватил власть.

Деятельность Дантона в дистрикте способствовала росту его авторитета. Слово «кордельеры» стало едва ли не самым популярным в Париже. В этом дистрикте объединялись разнообразные демократические элементы, а самым популярным оратором был Дантон. Одно время дистрикт превратился даже в «самостоятельную республику». Когда в начале октября появилась опасность контрреволюционного заговора, Дантон призвал народ к походу на Версаль, где в то время находился король. Шеститысячная толпа, ворвавшись во дворец, заставила монарха подписать «Декларацию прав человека и гражданина» и вернуться в Париж. Тогда власти решили расправиться с «нарушителями мира и возмутителями общественного порядка» –

Маратом и Дантоном. Дистрикт Кордельеров взял Марата под защиту. Тогда заботами Байи и Лафайета 17 марта 1790 года был отдан приказ об аресте Дантона. Но в мае Национальное собрание его аннулировало. Дело было прекращено, а популярность Дантона еще больше возросла, он стал депутатом Коммуны. В это время дистрикт был преобразован в Клуб кордельеров, эмблемой которого стал широко раскрытый наблюдающий глаз, а девизом – слова «Свобода, равенство, братство».

С лета 1790 года Дантон несколько отошел от активной политической деятельности и вел мирную семейную жизнь зажиточного буржуа. Жена родила ему второго сына. В 1791 году он приобрел 3 национализированных имения за 57 тыс. ливров, великолепный дом в Арси за 25 тыс. ливров наличными, ряд земельных участков. Еще зимой Дантон высказывал верно-подданные чувства королю. А тот в секретной переписке назвал его среди тех, на подкуп которых двор затратил крупные суммы. Только летом 1791 года Дантон вновь появился на политической сцене. Это было связано с попыткой бегства короля за границу. 23 июня, понимая, что времени терять нельзя, Дантон выступил в Якобинском клубе и потребовал лишить монарха короны. В качестве главы государства он предложил герцога Филиппа Орлеанского, возглавлявшего сильную партию либеральной буржуазии. Но расстрел народа на Марсовом поле 17 июля изменил все, и Дантон вдруг стал выступать как защитник народа, призывая к уничтожению тиранов. В результате он был избран вторым заместителем прокурора Коммуны якобинца Манюэля. В борьбе между жирондистами и якобинцами по вопросу о войне Дантон после колебаний встал на позиции Робеспьера.

Военные действия складывались для Франции крайне неудачно. Офицеры-роялисты (сторонники короля) переходили на сторону противника. В ответ на это Коммуна объявила себя революционной повстанческой Коммуной Парижа. 10 августа 1792 года восстание началось. Король был отрешен от власти и заключен в тюрьму. Был создан орган карательного судопроизводства – Чрезвычайный трибунал. А вскоре произошли первые акты массового террора: в тюрьмах были убиты до 1400 человек. Правда, накануне восстания Дантон из Парижа уехал, за что его впоследствии упрекали соратники. Восстание открыло ему путь к высшей власти – хотя Дантон стал лишь министром юстиции, однако главную роль в правительстве играл именно он.

20 сентября 1792 года произошли два знаменательных события: открылся новый законодательный орган – Национальный Конвент – и французская армия одержала победу у деревни Вальми. Еще через два дня Франция была провозглашена республикой. С первых дней образования Конвента там развернулась борьба между Горой, или монтаньярами, – депутатами-якобинцами, занимавшими верхнюю часть зала заседаний, – и жирондистами-умеренными, представленными в основном депутатами из департамента Жиронда. Дантон более тяготел к умеренным и еще 21 сентября оставил пост министра. Он сидел на Горе, но не хотел ссориться с Жирондой; делая ставку на Робеспьера, в то же время с антипатией относился к Марату. Выдавая себя за честнейшего революционера, он тут же попался на финансовых махинациях. Когда в декабре решалась судьба короля, он уехал из Парижа, пытаясь через своих сторонников в Конвенте смягчить приговор. Точку в этом деле поставил Робеспьер, и 21 января 1793 года Людовик XVI был казнен. Интересно, что когда в отношении короля все стало ясно, Дантон тоже стал требовать «смерти тирана» и с трибуны Конвента призвал к войне против монархов Европы как средству «для уничтожения тирании во всех ее формах и проявлениях». По сути же, то, что он предложил, явилось программой захватнической войны, рассчитанной на ограбление соседних народов, которая получила одобрение большинства в Конвенте. Пожалуй, только Робеспьер и Марат были не в восторге от этого.

Зима 1793 года началась для Дантона с большой утраты. Только он приобрел 11 новых земельных участков, как пришло известие о смерти жены. В марте Париж вновь находился накануне восстания. Во главе масс, недовольных политикой жирондистов, стояли сторонники

бывшего священника Жака Ру, которых прозвали «бешеными». С этого начался последний этап борьбы между Горой и Жирондой. Жирондисты попытались обвинить Дантона в измене, но на его защиту встал Марат. Теперь между ними больше не осталось никаких разногласий, Гора стала единой, монтаньяры перешли в наступление в союзе с «бешеными». 31 мая началось восстание. Жиронда пала. Правительство – Комитет общественного спасения – возглавил Робеспьер. Дантона сюда не избрали. Монтаньяры, помня о его связях с жирондистами, ему не доверяли – особенно Робеспьер, которому претили и образ жизни Дантона, и его скоропалительная (всего через четыре месяца после смерти Габриэль) женитьба на 15-летней девушке. Против Дантона был и Жак Ру, обвинявший его в излишествах во время обнищания народа.

13 июля был убит Марат. Это открыло дорогу террору, и Дантон его поддержал. В результате его включили в состав Комитета общественного спасения. Но сработаться с Робеспьером-Неподкупным он не смог. 8 сентября Дантон подал в отставку и покинул Париж. Вскоре он узнал о казни жирондистов и о том, что и над ним самим нависла смертельная угроза. Защищал его именно Робеспьер. Но требования сторонников Дантона прекратить террор оказались последней каплей терпения Неподкупного. 30 марта 1794 года последовал приказ об аресте Дантона и его сторонников. 2 апреля начался процесс по их делу, а 16 апреля был вынесен приговор – смертная казнь. В тот же день потомственный палач Сансон на площади Революции исполнил свой долг. Тела казненных отвезли в сумерках на новое кладбище, свалили в общую яму и засыпали сверху известью.

БОЛИВАР СИМОН

Полное имя – Боливар-и-Паласьос Симон Хосе Антонио

(род. в 1783 г. – ум. в 1830 г.)

Лидер национально-освободительной революции в Южной Америке в 10–20-х годах XIX века, руководитель движения за независимость ряда государств Латинской Америки, выдающийся военачальник.

Симон Боливар родился 24 июня 1783 года в городе Каракасе в аристократической креольской семье; предки его обосновались в Венесуэле еще в XVI веке. Знатность и материальный достаток гарантировали ему безоблачную жизнь. Но в 1786, 1793 годах умирают отец и мать мальчика, и Симон остается с опекающим его дедушкой без всякой поддержки.

Тем не менее в юности Боливар изучал право в Мадриде, в Париже – посещал Эколь Нормаль и Высшую политехническую школу, путешествовал по Италии, Швейцарии, Германии, Англии, США... Его домашними учителями были: Андреа Бельо – поэт и филолог, Симон Родригес – автор философских и педагогических трудов. В 1806 году в Риме, на Священной горе, Боливар, обращаясь к Родригесу, торжественно произнес: «Клянусь перед вами и перед Богом моих родителей, клянусь ими, клянусь моей честью, клянусь Родиной, что моя рука и моя душа не будут знать усталости до тех пор, пока не будут порваны угнетающие нас цепи испанского рабства». Около 300 лет большая часть Латинской Америки находилась под властью Испании. Латиноамериканские колонии Испании испытывали ограничения в торговле, креолам был закрыт доступ к руководящим должностям в колониальной администрации, а после начала Великой французской революции в колониях Испании было запрещено все французское, начиная от модной одежды и кончая книгами просветителей. В 1810 году под знаменем «Родина, независимость, свобода!» началась война латиноамериканцев против испан-

ского колониального режима. Сперва Симон примкнул к Франсиско де Миранде, поднявшему мятеж против испанцев. В то время Боливар возглавлял оборону важнейшего портового города страны – Пуэрто-Кабельо. Однако город был взят испанцами, которыми командовал генерал Хуан Доминго Монтеверде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.